

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

*Интерес к чудесам природы заложен в человеке генетически.
Вряд ли отыщется горожанин, который остался бы равнодушен
к панораме Большого каньона или кратера Нгоронгоро,
к грохоту водопада Виктории, к головокружительной красоте Эвереста.
Не случайно настоящие туристы прогулочные маршруты предпочитают
анфиладам музейных залов. И даже Эйфелеву башню, давно уже из инженерной
диковинки превратившуюся в украшение парижского ландшафта, —
пугающему лабиринту Лувра.*

*Большинство из нас с детства зачитывались книгами
Майн Рида и Жюль Верна именно потому, что находили у них то,
чего не видели за окном: осуществление невозможного, реализацию мечты.*

*В мировом золотом фонде
документальной и художественной литературы
о путешествиях и приключениях сияет не одно русское имя.
Среди книг, принадлежащих перу наших соотечественников,
одно из первых мест занимают документальные романы
Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872—1930)
«По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».
Они переведены на 30 языков народов мира.
А фильм «Дерсу Узала» японского режиссера Акиро Куросава
получил престижную премию «Оскар».*

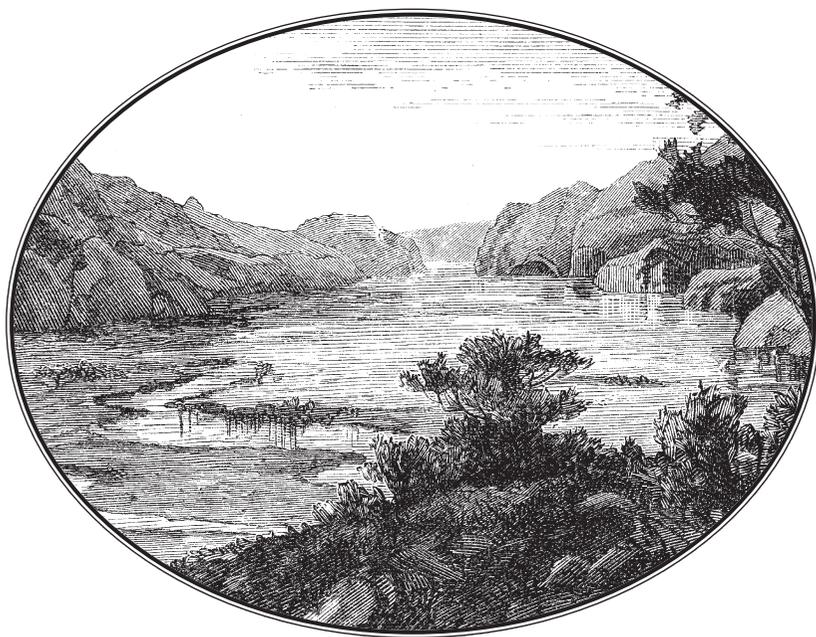
*Эти книги покоряют каждое новое поколение читателей,
потому что не могут устареть.
Ибо не стареют романтика приключений,
экзотика дальних странствий, благородство и дружба,
загадки дикой природы и тайны человеческой души.*

Владимир Клавдиевич Арсеньев
(1872—1930)

В. К. АРСЕНЬЕВ
ПО УССУРИЙСКОМУ
КРАЮ
ДЕРСУ УЗАЛА

Москва
2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 85

Разработка серии — *И. Пименова*
Биографический очерк,
комментарии и примечания — *В. Яськов*
Разработка оформления серии — *И. Осипов*

Арсеньев, Владимир Клавдиевич

А 85 По Уссурийскому краю. Дерсу Узала / В. К. Арсеньев. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с. : ил. — (Подарочные издания. Великие путешествия).

ISBN 978-5-699-83499-0

Знаменитый русский путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока, действительный член Императорского Русского географического общества, Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872—1930) всю свою жизнь посвятил Дальнему Востоку. Арсеньев дал описание рельефа Приморья и впервые детально обследовал горную систему Сихотэ-Алиня; нашел неизвестные истоки самых крупных рек края и получил первые сведения об их глубинах и течениях; изучал зверей, птиц, рыб и растения Приморья; доказал, что нанайцы, удэгейцы, орочи — потомки исконного населения Дальнего Востока и Сибири; записал устные рассказы о быте и верованиях коренных народов этих мест. Результатом его экспедиций явились богатые по содержанию труды, написанные ярким, живым литературным языком, среди которых настоящими шедеврами являются документальные романы «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Эти книги заслужили любовь читателей во многих странах и переведены более чем на 30 языков народов мира. Фильм «Дерсу Узала» знаменитого японского режиссера Акиры Куросавы получил премию «Оскар».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83499-0

© Тексты, комментарии, оформление,
иллюстрации, макет, дизайн.
Издательство «ОКО», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

*Владимир Клавдиевич Арсеньев,
первопроходец Уссурийского края,
его защитник и певец, оставил по себе наследие,
которому мог бы позавидовать каждый профессиональный писатель.
Еще при жизни планировалось издать десяти томное собрание
его произведений. Но даже и такую обширную подборку
никак нельзя было бы назвать полным
собранием сочинений В. К. Арсеньева.*

*Надеемся, что заветная мечта поклонников
творчества Арсеньева когда-нибудь осуществится.
Рассчитываем, что собрание сочинений этого в высшей мере человека,
благородного русского офицера, страстного путешественника,
блестящего исследователя и настоящего патриота увидит свет.
Ведь его книги вошли в золотой мировой фонд литературы
о путешествиях и приключениях, они переведены
на множество языков народов мира и успешно экранизованы.*

*А тем временем мы попытаемся внести свою лепту
в утоление читательского голода. Предлагаемые вашему вниманию
документальные романы «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» —
лучшие книги Арсеньева, блестяще выдержавшие проверку временем.*

*Это не только увлекательное и правдивое повествование
об экзотике Дальнего Востока, это прекрасно написанные истории
о том, каким должен быть и каким способен быть человек.*

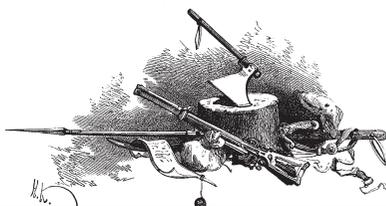
*И если описанные Арсеньевым чудеса природы
восхищают нас, то образы его мужественных
и благородных героев покоряют.*

*Дерсу Узала и его верный друг и скромный автор —
как Пятница и Робинзон из бессмертного произведения
Даниеля Дефо — давно стали лучшими
друзьями каждого из нас.*

СОДЕРЖАНИЕ

В. Яськов
В. К. Арсеньев: Человек и его Путь

17

ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

Предисловие к первому изданию

27

Глава 1.
Стеклянная падь

29

*Бухта Майтун.— Село Шкотово.— Река Бейца.—
Встреча с пантерой.— Да-Дянь-Шань.— Изюбры.*

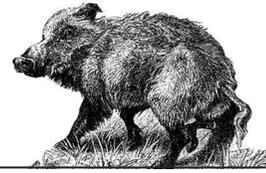

Глава 2.
Встреча с Дерсу

*Бивак в лесу.— Ночной гость.— Бессонная ночь.—
Рассвет.*

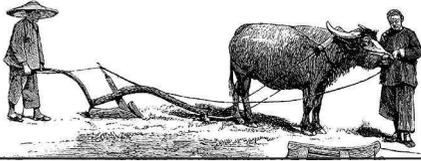
36

Глава 3. Охота на кабанов

41

*Изучение следов.— Забота о путнике.— Зверовая фанза.—
Гора Тудинза и верховья реки Лефу.— Кабаны.—
Анимизм Дерсу.— Сон.*

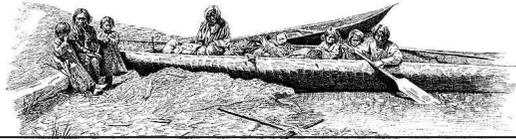

Глава 4. Происшествие в корейской деревне

*Приметы Дерсу о погоде.— Перестрелка.— Равнодушие
корейцев.— Дерсу устраивается на ночь.—
Тропа до деревни Ляличи.*

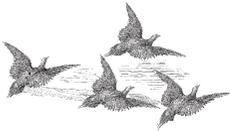
47

Глава 5. Нижнее течение Лефу

51

*Ночевка около деревни Ляличи.— Осенний перелет птиц.—
Стрельба Дерсу.— Живая вода и живой огонь.— Теневой сегмент
земли.*

Глава 6. Пурга на озере Ханка

*Исторические и географические сведения об озере Ханка.—
Торопливый перелет птиц.— Заблудились.— Пурга.—
Шалаши из травы.— Возвращение на бивак.—
Путь до Дмитровки.— Прощание.—
Возвращение во Владивосток.*

60

Глава 7. Сборы в дорогу и снаряжение экспедиции (1906 г.)

67

*Новая экспедиция.— Состав отряда.— Выючный обоз.—
Научное снаряжение.— Работа путешественника.—
Отъезд.— Река Усури.*

Глава 8.
Вверх по Уссури

Маньчжурский заяц.— Гольды рода Юкомика.—
Сухая мгла.— Перемена погоды.—
Полоз Шренка.— Гроза.—
Старовер Паначев.

80

Глава 9.
Через горы
к деревне Кокшаровке

87

Уссурийская тайга.— Средство от комаров и мошек.—
Деревня Кокшаровка.— Река Улахе.—
Жара и духота.

Глава 10.
Долина Фудзина

Китайская земледельческая фанза.— Варка пантов.—
Крушение лодки.— Лесные птицы.—
Встреча с промышленником.

95

Глава 11.
Сквозь тайгу

103

Тазы.— Ловцы жемчуга.— Скрытность китайцев.—
Лесная тропа.— Таз-охотник.— Сумерки в лесу.—
Пищуха.— Бурундук.— Встреча
с медведем.— Гнус.

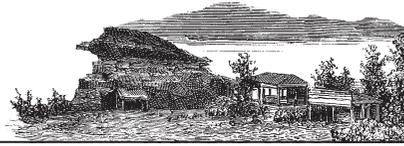

Глава 12.
Великий лес

Совет таза.— Птицы в тайге.— Таежники.—
Плантация женьшеня.— Возвращение отряда.—
Проводник.— Старый китаец.—
Старинный путь к посту Ольги.

110

Глава 13.
Через Сихотэ-Алинь к морю

117

Перевал Максимовича. — Насекомые и птицы. — Долина реки Вай-Фудзин и ее притоки. — Горал. — Светящиеся насекомые. — Гостеприимство китайцев. — Бедствия первых переселенцев из России. — Охотники. — Тигриная Смерть.

Глава 14.
Залив Ольги

История залива. — Тихая пристань. — Пост Ольги. — Крестовая гора. — Манза золотоискатель. — Тигр на вершине хребта. — Лишай и мхи. — Гольцы. — Поиски.

128

Глава 15.
Приключение на реке Арзамасовке

141

Китаец Че-Фан. — Притоки реки Арзамасовки. — Пещеры. — Опасное положение. — Услуга, оказанная Лешим. — Тропа. — Огонь. — Чужой бивак. — Возвращение.

Глава 16.
Залив Владимира

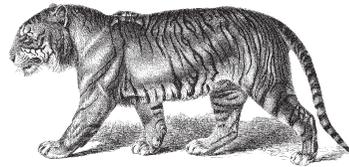
Река Ольга. — Ночевка около китайской фанзы. — Залив Владимира. — Китайские морские промыслы. — осьминог. — Река Хулуай.

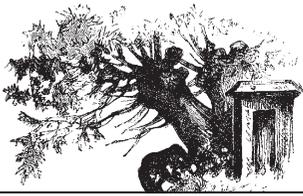
149

Глава 17.
Дерсу Узала

155

Река Тадушу. — Рассказы старика маньчжура. — Население. — Сумерки и ненастье. — Бивак незнакомца. — Встреча. — Сихотэ-Алинь. — Перевал Венюкова. — Река Ли-Фудзин и река Дун-бей-ца.

Глава 18.
Амба

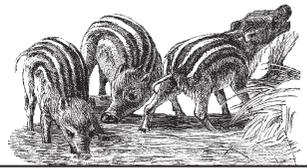
Анимизм Дерсу.— Тигр-преследователь.—
Дерсу говорит со зверем.—
Дерсу просит тигра не сердиться.—
Возвращение.

166

Глава 19.
Ли-Фудзин

172

Содержимое котомки Дерсу.— Приспособленность
к жизни в тайге.— Заживо погребенные.—
Нападение шершней.— Лекарственное растение.

Глава 20.
Проклятое место

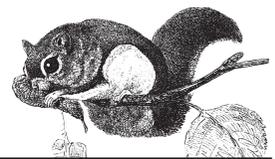
Енотовидная собака.— Охота на кабанов.— Привидения.—
Перевал Забытый.— Страшный выстрел.—
Дерсу ранен.— Искатель женьшеня.

178

Глава 21.
Возвращение к морю

191

Енотовидные собаки.— Стрельба по уткам.— Философия
Дерсу.— Баня.— Гроза.— Выступление.— Тазы.— Кета.—
Потрава пашен кабанями.— Рудник.— Летяга

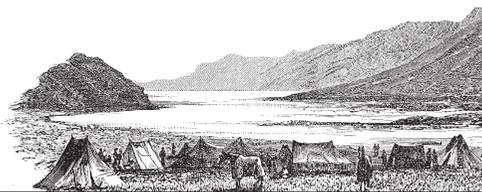

Глава 22.
Рев изюбров

Женьшень.— Перевал Скалистый.— Верховья Имана.—
Сильный вихрь.— Река Горбуша.— Пещеры.—
Медведь добывает желуди.—
Возвращение на бивак.

201

Глава 23. Охота на медведя

210

Береговая тропа. — Страшный зверь. — Трофей, закопанный в землю. — Дерсу по следам восстанавливает картину борьбы с медведем. — Лежбище сивучей. — Злоупотребление огнестрельным оружием. — Хищничество китайцев.

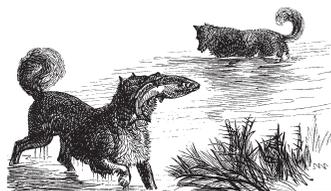

Глава 24. Встреча с хунхузами

Следы. — Хунхузы. — Дерсу на разведках. — Перестрелка. — «Каменная кожа». — Путь на реку Санхобе.

221

Глава 25. Пожар в лесу

227

Птицы на берегу моря. — Население реки Санхобе. — Река Сица. — Сихотэ-Алинь. — Изучение следов. — Лесной пожар. — Возвращение. — Драмы на берегу моря.

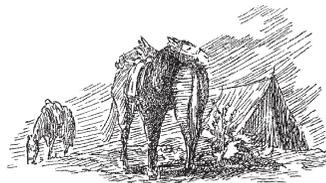

Глава 26. Зимний поход

Выступление. — Отравление. — Противоядие. — Уборка рыбы в истоках реки птицами и зверями. — Проклятое место. — Признаки непогоды. — Пурга. — Перевал Терпения.

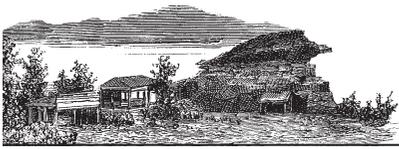
234

Глава 27. К Иману

241

Дерсу разбирается в следах. — Корейцы. — Удэгейцы. — Река Иман. — Удэгейская лодка. — Рабство.

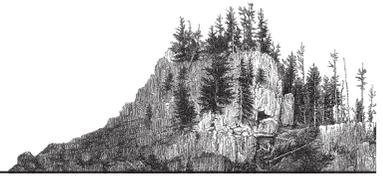

Глава 28.
Тяжелое положение

Плавание по Иману. — Пороги. — Ледоход. — Крушение лодки. — Голодовка. — Восстание инородцев. — Пение шамана.

250

Глава 29.
От Вагунбе до Паровози

259

Проводы. — Враждебное настроение китайцев. — Ориентировка при помощи обоняния. — Колесная дорога. — Расставание с Дерсу. — Возвращение в Хабаровск.

ДЕРСУ УЗАЛА

Глава первая.
Отъезд

План экспедиции. — Мулы. — Конское снаряжение. — Инвентарь. — Питательные базы. — Прибытие Дерсу. — Залив Петра Великого. — Остров Аскольд. — Залив Преображения. — Залив Ольги.

271

Глава вторая.
Пребывание в заливе

277

Залив Рында. — Вечные переселенцы. — Первобытный коммунизм. — Таинственные следы. — Люди, скрывающиеся в тайге. — Золотая лихорадка. — Экспедиция к заливу Пластун. — Состязание.

Глава третья.
Пребывание в заливе

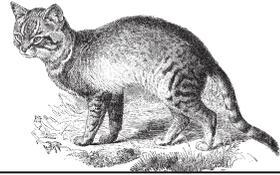
Выступление.— Дерсу находит отряд по следам.— Тайга.— Пауки.— Затяжные дожди.— Сон Дерсу и поминки по усопшим.

284

Глава четвертая.
В горах

292

Осыпи в горах.— Мелкие речки, текущие в море.— Береговая тропа.— Дикая кошка.

Глава пятая.
Наводнение

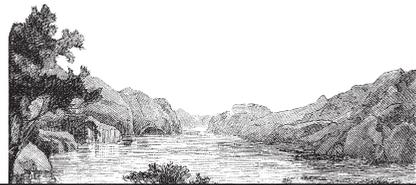
Трехдневный ливень.— Разбушевавшиеся стихии.— Затопленный лес.

300

Глава шестая.
Взращение к морю

310

Река Билимбее.— Олений хвост.— Тигр, убитый Дерсу.— Свечение моря.

Глава седьмая.
Экскурсия на Сяо-Кему

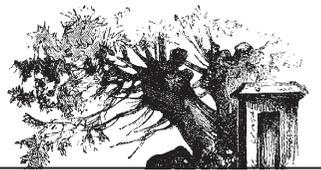
Мелкие речки, текущие в море.— Комета.— Староверы.— Горы в истоках реки Горелой.— Красные волки.— Возвращение.

316

Глава восьмая.
Такема

324

Птицы на берегу моря.— Население.— Леший и следы тигра.— Изюбр.

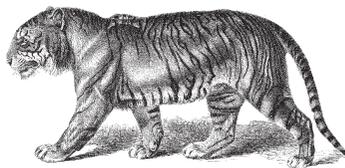

Глава девятая.
Ли Цун-бин

Выдра. — Острога удэгейцев. — История одной жизни. — Решение и прощание. — Амулет.

330

Глава десятая.
Страшная находка

336

Пологий склон Сихотэ-Алиня. — Скелеты. — Лунное световое явление.

Глава одиннадцатая.
Опасная переправа

Гора Шайтан. — Реки Сица и Такема. — Переправа на плоту. — Дерсу в опасности. — Спасение. — Возвращение к морю. — Тень и душа.

341

Глава двенадцатая.
Корейцы-соболевщики

351

Мелкие речки. — Корейская соболиная ловушка. — Влияние колонизации на край. — Старообрядческая деревня. — Удэгейцы.

Глава тринадцатая.
Водопад

Случай с тигром. — Запретное место. — Дерсу и ворона. — Жертвоприношение. — Ночлег в горах. — Забота о животных.

360

Глава четырнадцатая.
Тяжелый переход

365

Река Кулумбе. — Броды. — Лихорадка. — Кошмар. — Голод. — Берег моря. — Миноносец «Грозный». — Спасение.

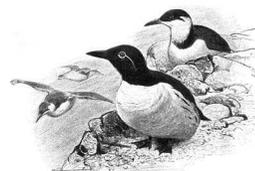

*Глава пятнадцатая.
Низовья реки Кусун*

Хребет Караминский.— Зыбучий песок.— Мелкие горные ручьи.— Летящие куры.— Священное дерево.— Жилище шамана.— Выступление.

371

*Глава шестнадцатая.
Солоны*

377

Река Тахобе.— Обиженная белка.— Обиталище черта.— Гроза со снегом.— Стойкость туземцев к холоду.— Возвращение к морю.

*Глава семнадцатая.
Сердце Зауссурийского края*

Мелкие речки на берегу моря.— Обоняние охотника.— Туземное население.— Безвыходное положение.

385

*Глава восемнадцатая.
Завещание*

395

Приготовление к зимовке.— Роковой выстрел.— Договор.— Обратный путь.

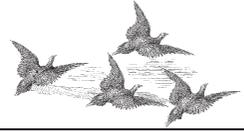

*Глава девятнадцатая.
Возвращение Хей-ба-тоу*

Приключения Хей-ба-тоу.— Снаряжение в зимний путь.— Устройство нарт.— Рыбная ловля.— Накануне выступления.— Нартовый обоз.— Тигровая скала.— Горные породы.— Выгоревшие леса.— Национализация чертей.

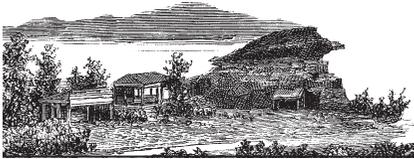
402

Глава двадцатая.
Через Сихотэ-Алинь

410

Река Уленгоу.— Гарь.— Наледи.— Облака и снег.—
Западный склон Сихотэ-Алиня.—
Чертova юрта.— Страхи.

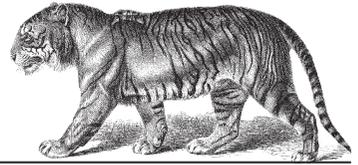

Глава двадцать первая.
Зимние праздники

Река Бикин в среднем течении.— Зимняя охота на кабанов.—
Вечеринка в юрте.— Игры на льду.

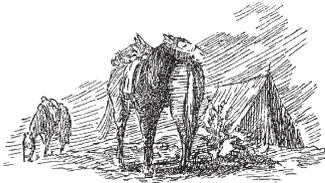
417

Глава двадцать вторая.
Нападение тигра

423

Размен денег.— Замерзание реки.— Бивак в снегу.—
Тревожная ночь.— Преследование зверя.

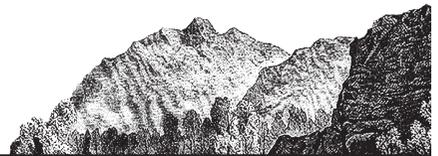

Глава двадцать третья.
Конец путешествию

Река Бикин в нижнем течении.— Ночевка в покинутом
жилище.— Грязная вода.— Новый год.— Прием у китайцев.—
Железнодорожная станция.

429

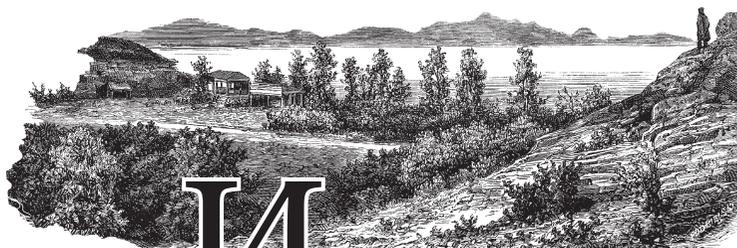
Глава двадцать четвертая.
Смерть Дерсу

434

В. К. АРСЕНЬЕВ: ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПУТЬ.

Биографический очерк

И

нтерес к чудесам природы заложен в человеке генетически. Вряд ли отыщется горожанин, который остался бы равнодушен к панораме Большого каньона или кратера Нгоронгоро, к грохоту водопада Виктория, к головокружительной красоте Эвереста. Не случайно прогулочные маршруты туристы предпочитают анфиладам музейных залов. И даже Эйфелеву башню, давно уже из инженерной диковинки превратившуюся в украшение парижского ландшафта,— пугающему лабиринту Лувра.

Большинство из нас с детства зачитывались книгами Майн Рида и Жюль Верна именно потому, что находили у них то, чего не видели за окном: осуществление невозможного, реализацию мечты.

Однако, увлекаясь путешествиями, отдаем ли мы должное путешественникам — исследователям и покорителям пространств, но главное — умножителям наших знаний о Земле? Кем они были, как жили, что пережили, чего им удалось достичь и какую цену пришлось за это заплатить? А ведь за кулисами их экспедиций — в театре жизни — кипели страсти, плелись интриги, зрели заговоры, выстраивались и рушились карьеры, складывались биографии, вершились судьбы. Как правило, это ускользало от внимания и современников, и потомков. Не избежал этой участи и путешественник, топограф, этнограф, географ, натуралист, исследователь Дальнего Востока и замечательный писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872—1930), автор предлагаемых вашему вниманию знаменитых документальных романов «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

Книги Арсеньева пользуются неизменной читательской любовью уже без малого сто лет, а личность и жизнь их автора, по сути дела, остаются в тени его писательской славы. А ведь жизнь путешественника и его судьба были полны приключений и драматических поворотов.

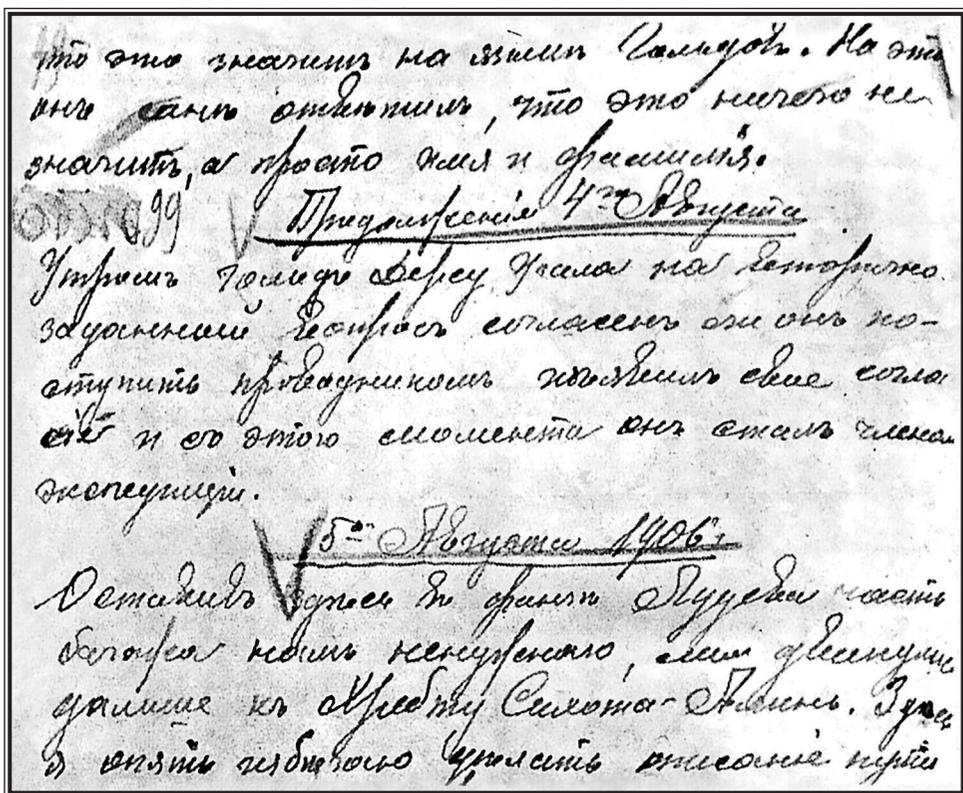
Будущий исследователь Дальнего Востока был одним из девяти детей служащего Николаевской железной дороги Клавдия Федоровича Арсеньева (1848—1918) — внебрачного сына приехавшего в Россию из Германии Теодора Гоппмайера (1826—1866). О предках Арсеньева известно не много: дед умер всего лишь в сорокалетнем возрасте, отец прожил семьдесят лет, но окончил свои дни трагически. В 1913 году, выйдя в отставку, он перебрался с семьей из Петербурга в Черниговскую

губернию — и в ноябре 1918 года был зверски убит местными жителями: после большевистского переворота страна кишела человеческим отребьем.

Сведения о детских годах В. К. Арсеньева скудны. Известно, что он учился в 5-й петербургской гимназии, которую не окончил. В 1891 году 19-летний Владимир был зачислен вольноопределяющимся в расквартированный в Санкт-Петербурге 145-й пехотный Новочеркасский полк. В 1893 году Арсеньев поступил в Петербургское юнкерское пехотное училище — и это событие стало поворотным, определяющим в его судьбе. Дело в том, что в училище служил преподавателем брат знаменитого русского путешественника Г. Е. Грумм-Гржимайло, он и привил Арсеньеву интерес к Дальнему Востоку.

В 1895 году Арсеньев был выпущен подпрапорщиком в тот же 145-й полк, а через год переведен подпоручиком в расквартированный в Польше 14-й Олонецкий пехотный полк. В 1897 году Арсеньев женился на дочери коллежского секретаря Анне Константиновне Кадашевич. В 1900 году был произведен в поручики и добился перевода в край своей мечты, который до конца жизни станет его землей обетованной.

По прибытии к новому месту службы Арсеньев проявил себя деятельным и инициативным офицером, интересующимся не только делами службы, но и самим почти не изведанным краем. Как военный топограф в 1901—1903 годах он производил рекогносцировку с «охотничьими командами» на реках в районе озера Ханка — Амурского залива, изучал коренное (как тогда говорили, «инородческое») население Сучанской и Судзухинской долин, обследовал стоянки древнего человека и средневековые памятники. Не удивительно, что в 1903 году Арсеньев был принят в действительные члены местного Общества изучения Амурского края.

Страница путевого дневника В. К. Арсеньева от 4 (17) августа 1906 г. с записью о согласии Дерсу Узала стать проводником

Подпоручик В. К. Арсеньев.
Фотография. 1900 г.

В 1905 году Арсеньев был произведен в штабс-капитаны и назначен начальником «летучего» отряда, в который вошли охотничьи команды крепости Владивосток; затем переведен в Хабаровск в штаб Приамурского военного округа.

Летом 1906 года состоялось самое важное, возможно, в его жизни знакомство: во время одной из экспедиций на р. Тадуши¹ Арсеньев повстречал нанайского охотника Дерсу Узала. Есть некоторые основания полагать, что это была их вторая встреча: первая произошла еще в 1902 году. Как бы то ни было, Дерсу стал незаменимым проводником и верным другом Арсеньева. Когда в 1907 году здоровье старого охотника пошатнулось (его начало подводить зрение), Арсеньев поселил его у себя в Хабаровске. Но, непривычный к жизни в четырех стенах, Дерсу затосковал — и ранней весной 1908 года отправился в пеший поход на родину, к истокам Усури. К несчастью, домой он так и не добрался: 13 марта 1908 года расположившийся на ночлег под открытым небом Дерсу Узала был убит беглыми каторжниками. Так оборвалась земная жизнь славного следопыта, но не его посмертное существование: Арсеньев увековечил своего друга, сделав его главным героем двух своих самых знаменитых книг — «По Усурийскому краю» и «Дерсу Узала».

В 1906 году Арсеньев девять раз пересек Сихотэ-Алинь. Такая интенсивная, а главное — плодотворная деятельность не могла не привлечь к себе внимания.

¹ С 1972 года — р. Зеркальная; переименована после вооруженного конфликта СССР с Китаем на о. Даманский.

В ноябре того же года газета «Приамурские ведомости» писала: «Офицер этот, проводя все свое время в наблюдениях жизни Уссурийской тайги, познал и полюбил ее, выработав из себя умелого таежника-исследователя, редкостного съемщика и неутомимого ходока».

Любознательность и неутомимость Арсеньева поражают и сегодня. Экспедиции следовали одна за другой: Арсеньев не только производил рекогносцировку местности, но и предпринял ряд археологических раскопок старинных укреплений, отчитывался о проделанной работе в Приамурском отделении Императорского Русского географического общества, отправлял собранные коллекции в Зоологический музей Академии наук в Петербурге. Неудивительно, что в 1907—1908 годах он был награжден двумя орденами, а в начале 1909 года был избран действительным членом Императорского Русского географического общества.

В том же году Арсеньев получил от министра земледелия и землеустройства благодарственное письмо — за полученные в ходе экспедиций 1906—1909 годов ценные для хозяйственного освоения Уссурийского края сведения. В те годы в Российской империи шла столыпинская реформа, сопровождавшаяся активным переселением крестьян в Сибирь и на Дальний Восток.

В 1908—1910 годах Арсеньев исследовал северную часть Уссурийского края, Сихотэ-Алинь вновь был пересечен семь раз. Результатом этих экспедиций стал «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края» (1912).

В апреле 1910 года газета «Приамурье», характеризуя эффективность работы Арсеньева, писала: «На эту сумму [5000 руб.] он должен был содержать в дикой тайге в течение 19 месяцев

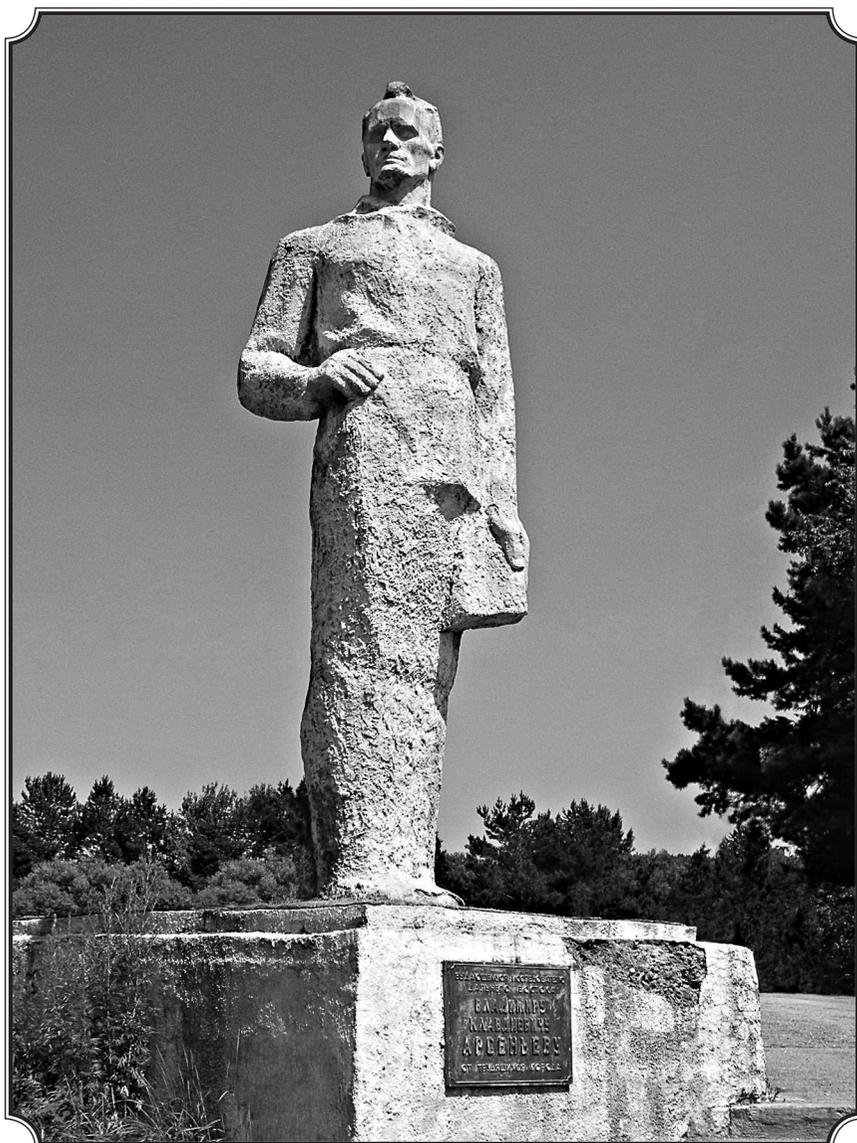
Писатель В. К. Арсеньев.
Почтовая марка СССР. 1956 г.

7 человек своей команды [...] нанимать проводников, переводчиков, покупать перевозочные средства, лодки, собак [...] приобретать коллекции и передвигать их по абсолютно бездорожной [...] тайге». Газета утверждала, что деятельность Арсеньева, «обогащающая географическую науку оригинальнейшими сведениями, дает ему несомненное право на признание в нем не только отличного офицера, но и истинного путешественника, которого уже пора оценить, как в свое время оценил Пржевальский Козлова¹. В том же году Арсеньев познакомился в Хабаровске с Л. Я. Штернбергом² (с которым совершил плавание по Амуру и поездку на Сахалин) и Б. Ф. Адлером³.

¹ Цит. по: Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

² Лев Яковлевич Штернберг (1861—1927) — этнограф, профессор Петроградского университета (1918), чл.-корр. АН СССР по отделу палеоазиатских народов (1924).

³ Бруно (Бруно-Вильгельм-Карл-Адольф) Фридрихович Адлер (1874, Воронеж — 1942, Омск) — этнограф, географ, музеевед.

Памятник В. К. Арсеньеву возле города Арсеньев.
Современная фотография

В 1911 году в отделении этнографии Императорского Русского географического общества Арсеньев выступил с докладами «Китайцы в Уссурийском крае» и «Орочи-удэхе», а на собрании Русского военно-исторического общества — с докладом «Древнейшая история Уссурийского края по легендам китайцев и на основании археологических находок 1903—1907 годов». Тогда же он был переведен на гражданскую службу (с сохранением военного чиноположения) и назначен производителем работ Уссурийской межевой партии в ведомстве Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.

Далее была экспедиция в Зауссурийский край. Арсеньев был избран действительным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В 1912 году исследователь был принят в члены Приамурского отделения Общества востоковедения. В этом же году он был произведен в капитаны. И вновь совершил экспедицию на Сихотэ-Алинь. В 1913 году

Гранитная глыба на месте гибели Дерсу Узала в поселке Корфовский.
Современная фотография

он был избран в члены Русского орнитологического комитета, произведен в подполковники. На I съезде врачей Приамурского края в Хабаровске Арсеньев выступил с докладом «Вымирание инородцев Амурского края». Встречал посетившего Хабаровск Ф. Нансена, совершил с ним плавание по Амуру. И так далее...

Летом 1916 года Арсеньев находился в командировке в Маньчжурии, где был избран почетным членом Общества русских ориенталистов в Харбине. Прочел в Обществе ряд докладов. Мобилизованный в 1917 году в армию, по ходатайству Академии наук и РГО был возвращен с пути на фронт в Хабаровск и назначен комиссаром Временного правительства по инородческим делам Приморской области. Совершил поездку в район устья Амура и на реку Тунгуску для обследования положения местных народностей. И при этом Арсеньев чутко реагировал на происходившие в России эпохальные катаклизмы. Роковой 1918-й год он встретил записью в дневнике: «Первый день нового года. Прошлый год принес много несчастий родине. Что-то даст нам наступивший новый год? Скорее бы закончилась эта солдатская эпоха со всеми ее жестокостями и насилиями».

Большевистский переворот сломал жизнь всех народов России, но элита страны пострадала сильнее всего. Те, что не были убиты (как отец Арсеньева) во время Гражданской войны и не бежали из России, вынуждены были доживать свои дни, подвергаясь непрерывным преследованиям и унижениям. Не избежал этой участи и Арсеньев. Как бывший царский офицер он был «поставлен на спецучет», с которого был снят лишь в 1924 г.

Но совсем отказаться от таких специалистов, как Арсеньев, даже новая власть, с ее ненавистью к старой культуре, не могла: кто-то же должен был поднимать разрушенную большевиками страну! В 1918 году приказом комиссара Дальсовнаркома Арсеньев был назначен начальником Камчатской экспедиции и младшим (!) инспектором рыболовства Управления рыбными и звериными промыслами Дальнего Востока. Тогда же произошло важное изменение и в личной жизни Ар-

сеньева: в 1919 году он развелся с первой женой и женился на дочери председателя Общества изучения Амурского края Н. М. Соловьева¹ Маргарите (1892–1938). Она была на 20 лет моложе мужа, но брак оказался счастливым.

В последующие годы исследовательская интенсивность Арсеньева лишь возрастала. В 1923 году он предпринял поездку на Командорские острова и Камчатку, в ходе которой совершил восхождение на действующий Авачинский вулкан и спустился в его кратер. В 1924 году ученый участвовал в работах Главного концессионного комитета по экономическим и национальным вопросам Дальнего Востока, ездил в Ленинград и Москву. В 1925 году в Комиссии по изучению племенного состава народов СССР и сопредельных стран Академии наук он участвовал в составлении этнографической карты Сибири. Был представителем от Дальревкома и Далькрайотдела РГО на 200-летнем юбилее Академии наук в Ленинграде и Москве.

В 1926–1928 годах по договору с Дальневосточным краевым статистическим управлением Арсеньев разработал маршруты экспедиций для переписи аборигенов Дальневосточного края. Начал переписываться со своим будущим биографом Ф. Ф. Аристовым², напечатавшим в «Известиях» отзыв на книгу «В дебрях Уссурийского края». Сотрудничал в редакции Сибирской советской энциклопедии. Работал в Комитете содействия народностям северных окраин. Был научным консультантом киноэкспедиции по съемкам картин из жизни и быта дальневосточных народностей. Совершил поездку в Японию. Стал представителем Главнауки на Дальнем Востоке в вопросах охраны природы. Переписывался с М. Горьким. Добивался создания Анюйского заповедника³. Возглавил Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей, подготовил и отправил для обследования районов предполагаемых железнодорожных линий 9 отрядов.

В июле 1930 года Арсеньев отправился в низовья Амура для их инспектирования⁴. В конце августа вернулся из поездки серьезно простуженным — выздороветь ему не было суждено. «Ночь с 3 на 4 сентября была для него последней. Он не смог уснуть, метался в бреду, просил усадить в кресле. Врач, вызванный за два часа до смерти Владимира Клавдиевича, нашел его состояние не внушающим опасения»⁵.

В 15 часов 15 минут 4 сентября 1930 года В. К. Арсеньев умер от крупозного воспаления легких. Грех говорить — но умер вовремя. Более десяти лет проживший под дамокловым мечом советских карательных органов, он был подвергнут посмертному аутодафе. 16 июля 1931 года в краевой газете «Красное знамя» появилась статья «В. К. Арсеньев как выразитель великодержавного шовинизма».

¹ Николай Матвеевич Соловьев (ум. 1932) — председатель (1909—1922) распорядительного комитета Общества изучения Амурского края. В годы Гражданской войны сохранил музей и библиотеку Общества от разграбления. В 1927 г. уехал в Никольск-Уссурийский. Там в его доме в 1928 г. Арсеньев работал над книгой «Сквозь тайгу».

² Федор Федорович Аристов (1888—1932) — историк, этнограф, библиографический историк, этнограф, библиограф. Собрал коллекцию и основал в Москве Карпато-Русский музей (свыше 100 тыс. экспонатов), разграбленный и уничтоженный после большевистского переворота. Как профессор 2-го МГУ изучал историю и этнографию Турции, Индии, Китая, Японии. Готовил к изданию монографию «Европа и Азия», многотомное исследование «Русские путешественники — исследователи Азии», «Словарь русских востоковедов». Был первым биографом В. К. Арсеньева. В 1920—1930-х гг. неоднократно подвергался арестам.

³ Заповедник так и не был создан. Лишь в 2007 г. был образован Государственный природный национальный парк «Анюйский», призванный охранять остатки еще не до конца уничтоженной природы Сихотэ-Алиня.

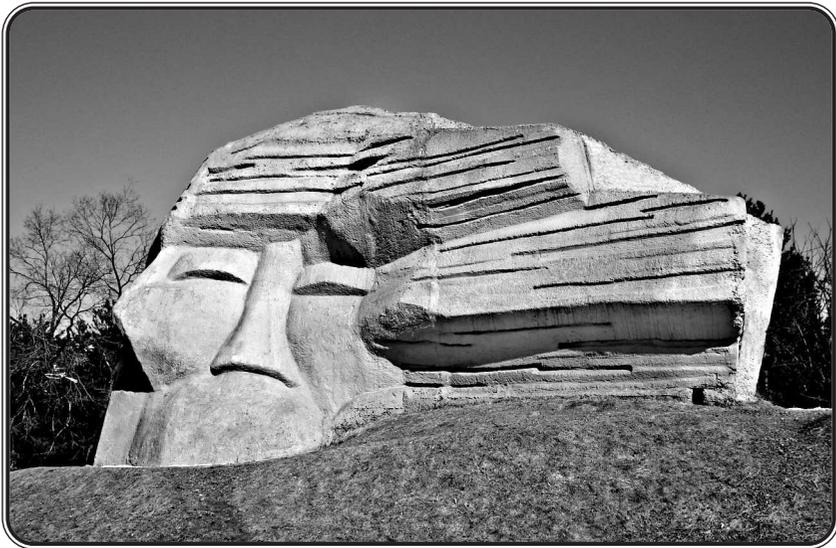
⁴ «Отправился формировать шпионскую сеть», — будет написано позже в его «деле».

⁵ Хисамутдинов А. «Мне сопутствовала счастливая звезда...» (Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872—1930). Владивосток: Дальнаука, 2005.

Это была не просто травля — это был сигнал: в 1933 году НКВД начало фабриковать дело «О контрреволюционной, шпионско-повстанческой и вредительской организации», которое в конечном счете составило 15 томов. Был репрессирован (расстрелян или приговорен к заключению) целый ряд ученых и специалистов, имевших несчастье знать Арсеньева. В 1938 году были казнены его брат Анатолий¹ и жена². Родившаяся в 1920 году дочь Наталья прошла через ГУЛАГ. Пострадал и архив Арсеньева: основная потеря — исчезновение (уже после войны!) рукописи главной книги его жизни «Страна Удэхе»...

А в СССР тем временем отмечались юбилеи Арсеньева (о том, что он японский шпион, велено было забыть) и издавались его книги. И издаются до сих пор. И будут издаваться, пока существуют на Земле люди, умеющие читать по-русски. Потому что книги В. К. Арсеньева — это такое объяснение в любви к родному краю, которое никого не может оставить равнодушным.

В. Яськов

Памятник Дерсу Узала возле города Арсеньев.
Современная фотография

«Меня поразило, что Дерсу кабанов называет «людьми». Я спросил его об этом.
— Его все равно люди, — подтвердил он, — только рубашка другой»
(В. К. Арсеньев. Дерсу Узала).

¹ Расстрелян 14.06.1938 г.

² Расстреляна 21.08.1938 г.

В. К. Арсеньев
ПО УССУРИЙСКОМУ
КРАЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящий труд, предлагаемый мной читателям, есть популярный обзор путешествия, предпринятого мной в горную область Сихотэ-Алинь в 1906 году. Он заключает в себе географическое описание пройденных маршрутов и путевой дневник.

В моей книге читатель найдет картины из природы страны и ее населения. Многое из этого уже в прошлом и приобрело интерес исторический. За последние двадцать лет Уссурийский край сильно изменился.

Первобытные девственные леса в большей части страны выгорели, и на смену им появились леса, состоящие из лиственницы, березы и осины. Там, где раньше ревел тигр, ныне свистит паровоз, где были редкие жилища одиноких звероловов, появились большие русские селения, туземцы отошли на север, и количество зверя в тайге сильно уменьшилось.

Край начал утрачивать свою оригинальность и претерпевать то превращение, которое неизбежно несет за собой цивилизация. Изменения произошли главным образом в южной части страны и в низовьях правых притоков реки Усури, горная же область Сихотэ-Алинь к северу от 45° широты и поныне осталась такой же лесной пустыней, как и во времена Будищева и Венюкова (1857 — 1869).

Вначале я считаю своим долгом принести благодарность тем лицам, которые так или иначе способствовали моим начинаниям в деле исследования Уссурийского края.

Три мои экспедиции в Сихотэ-Алинь были снаряжены на средства Приамурского отдела Русского географического общества и на особые ассигнования из сумм военного ведомства.

На Дальнем Востоке среди моряков я нашел доброжелателей и друзей. В 1906 году они устроили для меня на берегу моря питательные базы и на каждый пункт, кроме моих ящиков, добавили от себя еще по ящику с красным вином, консервами, галетами, бисквитами и т. д.

Если во время путешествия я и достиг хороших результатов, то этим я в значительной степени обязан своим спутникам.

Большую часть своего успеха я отношу к примерной самоотверженности и честной службе сибирских стрелков и уссурийских казаков, бывших со мной в путешествиях.

Мне не только не приходилось их подбадривать, а, наоборот, приходилось останавливать из опасения, что они надорвут свое здоровье. Несмотря на лишения, эти скромные труженики терпеливо несли тяготы походной жизни, и я ни

разу не слышал от них ни единой жалобы. Многие из них погибли в войну 1914—1917 годов, с остальными же я и по сие время нахожусь в переписке.

Во время путешествия капитаны пароходов, учителя, врачи и многие частные лица нередко оказывали мне различные услуги и советами и делом, неоднократно содействовали и облегчали мои предприятия. Шлю им дружеский привет и благодарю за радушие и гостеприимство.

Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встает фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце мое надрыдается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную странническую жизнь.

Если мы взглянем на этнографическую карту Уссурийского края и отыщем на ней гольдов, то увидим, что туземцы эти распределились узкой полосой по долине реки Уссури до устья Даубихе. Часть гольдов обитала ранее по реке Улахе и ее притокам. Нас интересуют именно эти последние.

Было бы ошибочно относить этих людей к какой-либо особой народности и отделять их от прочих гольдов. В антропологическом отношении они несколько не отличались от своих соседей — рыболовов, расселившихся по Уссури. Отличительной особенностью их была страсть к охоте.

Живя в таких местах, где рыбы было мало, а тайга изобиловала зверем, они на охоту обратили все свое внимание. В погоне за соболем, на охоте за дорогими пантами и в поисках за целебным могущественным женьшенем гольды эти далеко проникали на север и не раз заходили в самые отдаленные уголки Сихотэ-Алиня. Это были отличные охотники и удивительнейшие следопыты. Путешествуя с Дерсу и приглядываясь к его приемам, я неоднократно поражаюсь, до какой степени были развиты в нем эти способности. Гольд положительно читал следы, как книгу, и в строгой последовательности восстанавливал все события.

Трудно перечислить все те услуги, которые этот человек оказал мне и моим спутникам. Не раз, рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично.

Ввиду той выдающейся роли, которую играл Дерсу в моих путешествиях, я опишу сначала маршрут 1902 года по рекам Цимухе и Лефу, когда произошла моя первая с ним встреча, а затем уже перейду к экспедиции 1906 года.

Первые свои три путешествия я закончил в 1910 году. Следующие три года мной были посвящены обработке собранных материалов при любезном содействии известных специалистов Л. С. Берга, И. В. Палибина, С. А. Бутурлина и Я. С. Эдельштейна.

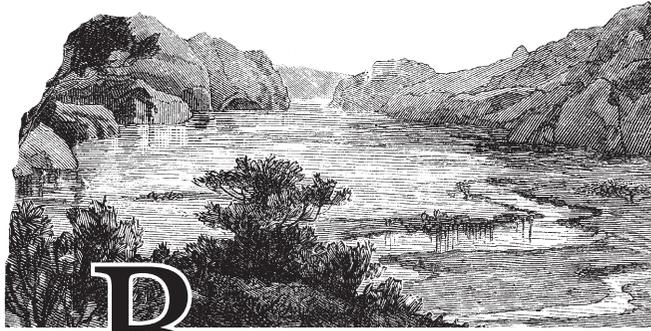
К 1917 году рукописи были готовы. Еще в черновом виде они ходили по рукам моих друзей и знакомых, в числе которых было немало педагогов.

Их отзывы утвердили меня в той мысли, что появление такого научно-популярного описания края, из которого учащаяся молодежь почерпнула бы немало интересных сведений, было бы полезным делом.

В. АРСЕНЬЕВ
Владивосток, 1930 г.

Глава 1 СТЕКЛЯННАЯ ПАДЬ

*Бухта Майтун.— Село Шкотово.— Река Бейца.— Встреча
с пантерой.— Да-Дянь-Шань.— Изюбры*

В 1902 году, во время одной из командировок, с охотничьей командой я пробирался вверх по реке Цимухе¹, впадающей в Уссурийский залив около села Шкотова. Мой отряд состоял из шести человек сибирских стрелков и четырех лошадей с вьюками. Цель моей командировки заключалась в обследовании Шкотовского района в военном отношении и в изучении перевалов в горном узле Да-Дянь-Шань², откуда берут начало четыре реки: Циму, Майхе, Даубихе³ и Лефу. Затем я должен был осмотреть все тропы около озера Ханка и вблизи Уссурийской железной дороги.

Горный хребет, о котором здесь идет речь, начинается около Имана и идет к югу параллельно реке Уссури в направлении от северо-северо-востока к юго-юго-западу так, что на запад от него будет река Сунгача и озеро Ханка, а на восток — река Даубихе. Далее он разделяется на две ветви. Одна идет к юго-западу и образует хребет Богатая Грива, протянувшийся вдоль всего полуострова Муравьева-Амурского, а другая ветвь направляется к югу и сливается с высокой грядой, служащей водоразделом между реками Даубихе и Сучан⁴.

Верхняя часть Уссурийского залива называется бухтой Майтун. Бухта эта раньше значительно глубже вдавалась в материк. Это бросается в глаза с первого взгляда. Береговые обрывы ныне отодвинуты в глубь страны километров на пять. Устье реки Тангоузы⁵ раньше было на месте нынешних озер Сан⁶ и Эль-Пауза⁷, а устье реки Майхе⁸ находилось немного выше того места, где теперь пересекает

¹ Хе (хэ) — суффикс в значении «речка»; приставляется ко всем именам собственным небольших рек, которые протекают по районам, населенным мелкими народностями: гольдами, орочами и др. Ци (Цзи?) му-хе — сплавная река.

² Да-цзянь-шань — большие остроконечные горы.

³ Дао-бин-хэ — река, где было много сражений.

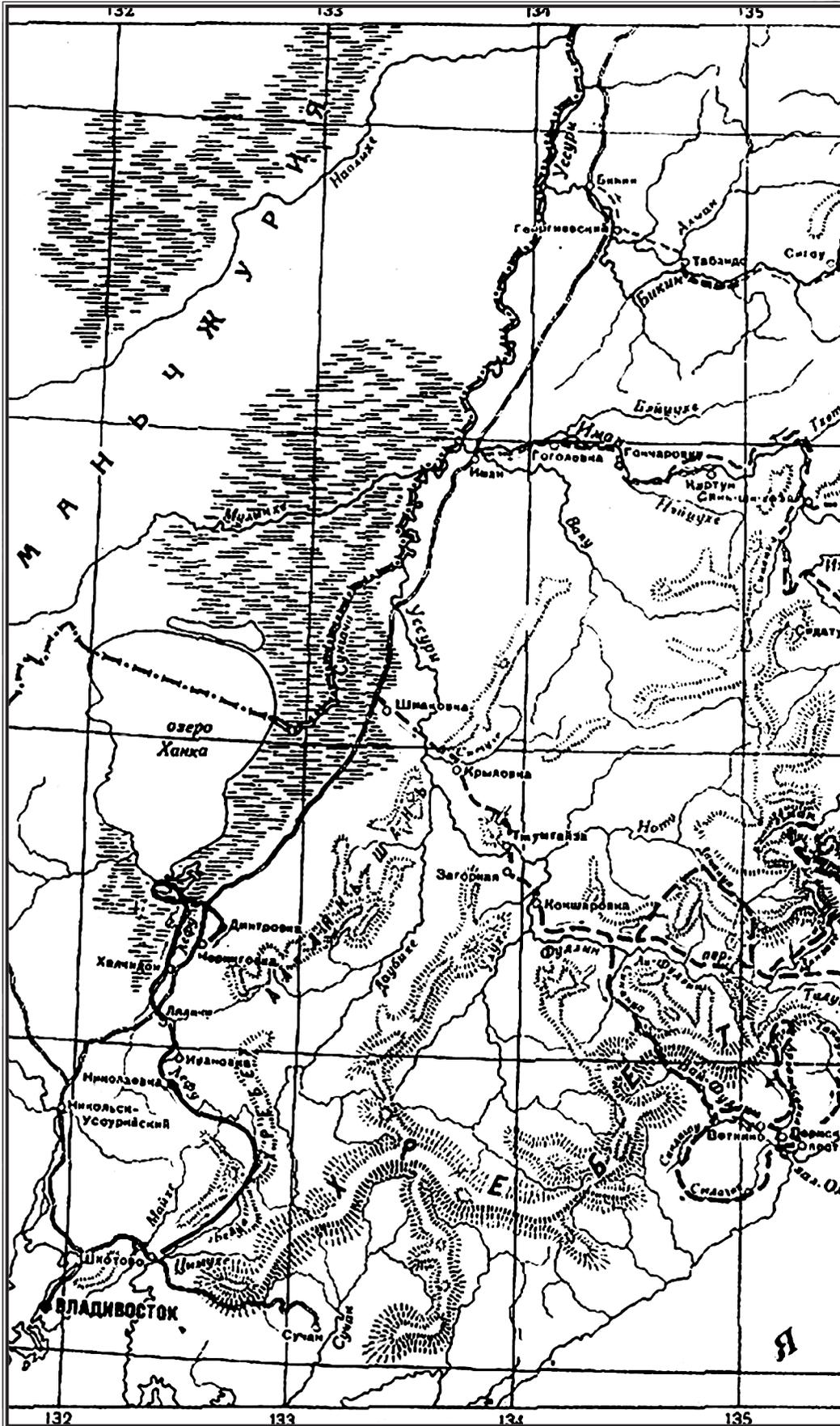
⁴ Су-чан — площадь, засеваемая растением су-цзы, из которого китайцы добывают так называемое травяное масло.

⁵ Тан-гоу-цзы — болотистая падь.

⁶ Сан — разлившееся озеро.

⁷ Эр-цзо-цзы — вторая заводь.

⁸ Майхе — река, в долине которой сеют много пшеницы.

ее железная дорога. Вся эта площадь в 22 квадратных километра представляет собой болотистую низину, заполненную наносами рек Майхе и Тангоузы¹. Среди болот сохранились еще кое-где озерки с водой; они указывают, где были места наиболее глубокие. Этот медленный процесс отступления моря и нарастания суши происходит еще и теперь. Эта же участь постигнет и бухту Майтун. Она и теперь уже достаточно мелководна. Западные берега ее слагаются из порфиров, а восточные из третичных отложений; в долине Майхе развиты граниты и сиениты, а к востоку от нее — базальты.

Село Шкотово находится около устья реки Цимухе, на правом берегу. Основание его относится к 1864 году. В 1868 году его сожгли хунхузы, но на другой год оно возродилось снова. Пржевальский в 1870 году в нем насчитал шесть дворов и тридцать четыре души обоого пола². Я застал Шкотово довольно большим селом³.

Здесь мы провели двое суток, осматривали окрестности и снаряжались в далекий путь. Река Цимухе, длиной в 30 километров, течет в широтном направлении и имеет с правой стороны один только приток — Бейцу. Долину, по которой протекает река, здешние переселенцы называют Стеклянная падь. Такое название она получила от китайской зверовой фанзы, в окне которой был вставлен небольшой кусочек стекла. Надо заметить, что-тогда в Уссурийском крае не было ни одного стекольного завода и потому в глухих местах стекло ценилось особенно высоко. В глубине гор и лесов оно было своего рода меновой единицей. Пустую бутылку можно было выменять на муку, соль, чумизу и даже на пушнину. Старожилы рассказывают, что во время ссор враги старались проникнуть друг к другу в дом и перебить стеклянную посуду. Немудрено поэтому, что кусочек стекла в окне китайской фанзы⁴ был роскошью. Это обратило внимание первых переселенцев, и они назвали Стеклянной не только фанзу и речку, но и всю прилегающую местность.

От Шкотова вверх по долине Цимухе сначала идет проселочная дорога, которая после села Новороссийского сразу переходит в тропу. По этой тропе можно выйти и на Сучан, и на реку Кангоуз⁵ к селу Новонезжину. Дорога несколько раз переходит с одного берега реки на другой, и это является причиной, почему во время половодья сообщение по ней прекращается.

Из Шкотова мы выступили рано, в тот же день дошли до Стеклянной пади и свернули в нее. Река Бейца течет на запад-юго-запад почти по прямому направлению и только около устья поворачивает на запад. Ширина Стеклянной пади не везде одинакова: то она суживается метров до ста, то расширяется более чем на километр. Как и большинство долин в Уссурийском крае, она отличается удивительной ровностью. Окаймляющие ее горы, поросшие корявым дубняком, имеют очень крутые склоны. Границы, где равнина соприкасается с горами, обозначены чрезвычайно резко. Это свидетельствует о том, что здесь были большие денудационные процессы. Долина раньше была гораздо глубже и только впоследствии заполнилась наносами реки.

По мере того как мы углублялись в горы, растительность становилась лучше. Дубовое редколесье сменилось густыми смешанными лесами, среди которых было много кедра. Путеводной нитью нам служила маленькая тропинка, проложенная китайскими охотниками и искателями женьшеня. Дня через два мы достигли того места, где была Стеклянная фанза, но нашли здесь только ее развалины. С каждым днем тропинка становилась все хуже и хуже. Видно было, что по ней

¹ Д. И. Мушкетов. Геологическое описание района Сучанской ж. д. 1919.

² Н. М. Пржевальский. Путешествие по Уссурийскому краю. СПб., 1869. С.135—136.

³ В 1902 г. в селении насчитывалось 88 семейств.

⁴ Решетчатые окна в китайских фанзах оклеиваются тонкой бумагой.

⁵ Гань-гоу-цзы — сухая падь (долина).

давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многих местах была завалена буреломом. Вскоре мы ее совсем потеряли. Встречались нам и зверовые тропы; мы пользовались ими, пока они тянулись в желательном для нас направлении, но больше шли целиной. На третий день к вечеру мы подошли к хребту Да-Дянь-Шань, который идет здесь в меридиональном направлении и имеет высоту в среднем около 700 метров. Оставив людей внизу, я поднялся на одну из соседних вершин, чтобы оттуда посмотреть, далеко ли еще осталось до перевала. Сверху хорошо были видны все горы. Оказалось, что водораздел был в двух или трех километрах от нас. Стало ясно, что к вечеру нам не дойти до него, а если бы мы и дошли, то рисковали заночевать без воды, потому что в это время года горные ключи в истоках почти совсем иссякают. Я решил встать на бивак там, где остались лошади, а завтра идти к перевалу.

Обыкновенно свой маршрут я никогда не затягивал до сумерек и останавливался на бивак так, чтобы засветло можно было поставить палатки и заготовить дрова на ночь. Пока стрелки возились на биваке, я пользовался свободным временем и отправлялся осматривать ближайшие окрестности. Постоянным моим спутником в такого рода экскурсиях был Поликарп Олентьев — отличный человек и прекрасный охотник. Ему было тогда лет двадцать шесть. Он был среднего роста и хорошо сложен. Русые волосы, крупные черты лица и небольшие усы дадут читателю некоторое представление о его лице. Олентьев был оптимист. Даже в тех случаях, когда мы попадали в неприятные положения, он не терял хорошего настроения и старался убедить меня, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Сделав нужные распоряжения, мы взяли с ним ружья и пошли на разведку.

Солнце только что успело скрыться за горизонтом, и в то время, когда лучи его золотили верхушки гор, в долинах появились сумеречные тени. На фоне бледного неба резко выделялись вершины деревьев с пожелтевшими листьями. Среди птиц, насекомых, в сухой траве — словом, всюду, даже в воздухе, чувствовалось приближение осени.

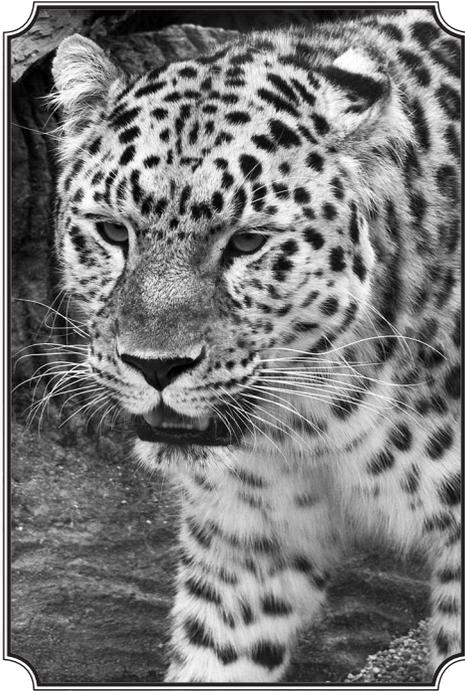
Перейдя через невысокий хребет, мы попали в соседнюю долину, поросшую густым лесом. Широкое и сухое ложе горного ручья пересекало ее поперек. Тут мы разошлись. Я пошел по галечниковой отмели налево, а Олентьев — направо. Не прошло и двух минут, как вдруг в его стороне грянул выстрел. Я обернулся и в это мгновение увидел, как что-то гибкое и пестрое мелькнуло в воздухе. Я бросился к Олентьеву. Он поспешно заряжал винтовку, но, как на грех, один патрон застрял в магазинной коробке и затвор не закрывался.

— Кого ты стрелял? — спросил я его.

— Кажется, тигра, — отвечал он. — Зверь сидел на дереве. Я хорошо прицелился и, наверное, попал.

Наконец застрявший патрон был вынут. Олентьев вновь зарядил ружье, и мы осторожно двинулись к тому месту, где скрылось животное. Кровь на сухой траве указывала, что зверь действительно был ранен. Вдруг Олентьев остановился и стал прислушиваться. Впереди, немного вправо от нас, слышался храп. Сквозь заросли папоротников ничего нельзя было видеть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало нам путь. Олентьев хотел было уже перелезть валежник, но раненое животное предупредило его и стремительно бросилось навстречу. Олентьев второпях выстрелил в упор, даже не приставляя приклада ружья к плечу, — и очень удачно. Пуля попала прямо в голову зверя. Он упал на дерево и повис на нем так, что голова и передние лапы свесились по одну сторону, а задняя часть тела — по другую.

Убитое животное сделало еще несколько конвульсивных движений и начало грызть землю. В это время центр тяжести переместился, оно медленно подалось вперед и грузно свалилось к ногам охотника.

Уссурийский барс

С первого же взгляда я узнал маньчжурскую пантеру¹, называемую местными жителями барсом. Этот великолепный представитель кошачьих был из числа крупных. Длина его тела от носа до корня хвоста равнялась 1,4 метра. Шкура пантеры, ржаво-желтая по бокам и на спине и белая на брюхе, была покрыта черными пятнами, причем пятна эти располагались рядами, как полосы у тигра. С боков, на лапах и на голове они были сплошные и мелкие, а на шее, спине и хвосте — крупные, кольцевые.

В Уссурийском крае пантера держится только в южной части страны и главным образом в Суйфунском, Посъетском и Барабашевском районах. Главной пищей ей служат пятнистые олени, дикие козули и фазаны. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь от человека, пантера влезает на дерево и выбирает такой сук, который приходится против ее следов на земле и, следовательно, как раз против луча

зрения охотника. Растянувшись вдоль него, она кладет голову на передние лапы и в этом положении замирает. Пантера отлично понимает, что со стороны головы ее тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку.

Снятие шкуры с убитого животного отняло у нас более часа. Когда мы тронулись в обратный путь, были уже глубокие сумерки. Мы шли долго и наконец увидели огни бивака. Скоро между деревьями можно было различить силуэты людей. Они двигались и часто заслоняли собой огонь. На биваке собаки встретили нас дружным лаем. Стрелки окружили пантеру, рассматривали ее и вслух высказывали свои суждения. Разговоры затянулись до самой ночи.

На другой день мы продолжали наш путь. Долина суживалась, и идти становилось труднее. Мы шли целиной и только заботились о том, чтобы поменьше кружить.

В полдень мы подошли к самому гребню. Подъем был крутой и трудный. Лошади карабкались на кручу изо всех сил; от напряжения у них дрожали ноги, они падали и, широко раскрыв ноздри, тяжело и порывисто дышали. Чтобы облегчить путь, пришлось идти зигзагами, часто останавливаться и поправлять вьюки. Наконец мы взобрались на хребет. Здесь дан был получасовой отдых. По хребту, поросшему лесом, надо идти всегда осторожно, часто останавливаться, осматриваться, иначе легко сбиться с пути, в особенности во время тумана. Помню, раньше я несколько раз таким образом блуждал. Чтобы не повторить ошибки, я приказал людям остановиться и, выбрав высокий кедр, не без труда взобрался на самую его вершину.

Сверху я увидел весь горный хребет Да-Дянь-Шань как на ладони. Он шел на север с легким изгибом к востоку. Здесь он имел характер расплывчатый,

¹ Маньчжурская пантера (*Felis pardus orientalis* Schleg). Научные названия животных мной получены от консерватора музея во Владивостоке А. И. Черского.

неясный, а далее на восток, вероятно в верховьях Даубихе и Улахе¹, был высок и величествен. Западные его склоны казались крутыми и обрывистыми, восточные — более пологими. Слева вдали виднелись Майхе и Цимухе, справа — сложный бассейн Сучана. С этой стороны местность была так пересечена, что я долго не мог сообразить, куда текут речки и к какому они принадлежат бассейну. Впереди, километрах в пяти, высилась какая-то куполообразная гора. Ее-то я и наметил пунктом, где следовало второй раз ориентироваться.

На вершине хребта Да-Дянь-Шань растет лес крупный, чистый, вследствие чего наше передвижение с вьюками происходило довольно быстро. В одном месте мы спугнули двух изюбров — самца и самку. Олени отбежали немного и остановились как вкопанные, повернув головы в нашу сторону. Один из казаков хотел было стрелять, но я остановил его. Продовольствия мы имели достаточно, а лошади были перегружены настолько, что захватить с собой убитых оленей мы все равно не могли бы. Я несколько минут любовался изюбрами. Наконец самец не выдержал. Он издал короткий крик и, положив рога на спину, сильными прыжками пошел наискось под гору.

Благородный олень, обитающий в Примурском крае, называется изюбром. Это стройное и красивое животное имеет в длину 1,9, а в высоту — 1,4 метра. Вес тела достигает 197 килограммов. Шерсть изюбра летом светло-коричневая, зимой — серовато-бурая с бело-желтым зеркалом сзади.

На длинной и сильной шее, украшенной у самцов гривой, помещается красивая голова с большими трубчатыми и подвижными ушами. Вилообразно расходящиеся рога имеют впереди два прямых бивня и несколько верхних отростков. Рога эти

зимой опадают и весной вырастают вновь, и притом каждый раз одним отростком больше.

Поэтому по числу отростков можно судить о возрасте оленя, считая один лишний год, когда он ходит безрогим (саек). Однако количеству отростков есть предел. Обыкновенно взрослый самец имеет их не более семи. В дальнейшем идет только увеличение веса рогов, их размеров и толщины. Молодые весенние рога, наполненные кровью и еще не затвердевшие, называются пантами.

В Уссурийском крае благородный олень обитает в южной части страны, по всей долине реки Усури и ее притокам, не заходя за границу хвойных насаждений Сихотэ-Алиня. На побережье моря он встречается до мыса Олимпиады.

Летом изюбр держится по тенивым склонам лесистых гор, а зимой — по солнцепекам и в долинах, среди равнинной тайги, где полянки чередуются с перелесками. Любимый летний корм изюбра составляет леспедца, а зимой — молодые побеги осины, тополя и низкорослой березы.

В полдень мы сделали большой привал. По моим соображениям, теперь мы должны были находиться недалеко от куполообразной горы.

В походе надо сообразоваться не столько с силами людей, сколько с силами вьючных животных. И в самом деле, они несут большие тяжести, поэтому при всякой более или менее продолжительной остановке надо облегчить их спины от груза.

Как только лошади были расседланы, их тотчас пустили на свободу. Внизу, под листьями, трава была еще зеленая, и это давало возможность пользоваться подножным кормом.

¹ У-ла-хэ — река, где растет много травы «у-ла» (особый вид осоки), вкладываемой в китайскую охотничью обувь.

Глава 2 ВСТРЕЧА С ДЕРСУ

Бивак в лесу.— Ночной гость.— Бессонная ночь.— Рассвет

После отдыха отряд наш снова тронулся в путь. На этот раз мы попали в бурелом и потому подвигались очень медленно. Часам к четырем мы подошли к какой-то вершине. Оставив людей и лошадей на месте, я сам пошел наверх, чтобы еще раз осмотреться.

Влезать на дерево непременно надо самому. Поручать это стрелкам нельзя. Тут нужны личные наблюдения. Как бы толково и хорошо стрелок ни рассказывал о том, что он заметил, на основании его слов трудно ориентироваться.

То, что я увидел сверху, сразу рассеяло мои сомнения. Куполообразная гора, где мы находились в эту минуту,— был тот самый горный узел, который мы искали. От него к западу тянулась высокая гряда, падавшая на север крутыми обрывами. По ту сторону водораздела общее направление долин шло к северо-западу. Вероятно, это были истоки реки Лефу.

Спустившись с дерева, я присоединился к отряду. Солнце уже стояло низко над горизонтом, и надо было торопиться разыскать воду, в которой и люди и лошади очень нуждались. Спуск с куполообразной горы был сначала пологим, но потом сделался крутым. Лошади спускались, присев на задние ноги. Вьюки лезли вперед, и, если бы при седлах не было шлей, они съехали бы им на голову. Пришлось делать длинные зигзаги, что при буреломе, который валялся здесь во множестве, было делом далеко не легким.

За перевалом мы сразу попали в овраги. Местность была чрезвычайно пересеченная. Глубокие распадки, заваленные корчами, водотоки и скалы, обросшие мхом,— все это создавало обстановку, которая живо напоминала мне картину Вальпургиевой ночи. Трудно представить себе местность более дикую и неприветливую, чем это ущелье.

Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и веселый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда. Иногда, наоборот, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дело! Чувство это не бывает личным, субъективным, оно всегда является общим для всех людей в отряде. Я много раз проверял себя и всегда убеждался, что это так. То же было и теперь. В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и неприятное, и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково.

— Ничего,— говорили стрелки,— как-нибудь переночуем. Нам не год тут стоять. Завтра найдем место повеселее.

Река Лефу (Илистая).
Современная фотография

Не хотелось мне здесь останавливаться, но делать было нечего. Сумерки приближались, и надо было торопиться. На дне ущелья шумел поток, я направился к нему и, выбрав место поровнее, приказал ставить палатки.

Величаява тишина леса сразу огласилась звуками топоров и голосами людей. Стрелки стали таскать дрова, расседлывать коней и готовить ужин.

Бедные лошади. Среди камней и бурелома они должны были остаться голодными. Зато завтра, если нам удастся дойти до земледельческих фанз, мы их накормим как следует.

Сумерки в лесу всегда наступают рано. На западе сквозь густую хвою еще виднелись кое-где клочки бледного неба, а внизу, на земле, уже ложились ночные тени. По мере того как разгорался костер, ярче освещались выступавшие из темноты кусты и стволы деревьев. Разбуженная в осыпях пищуха подняла было пронзительный крик, но вдруг испугалась чего-то, проворно спряталась в норку и больше не показывалась.

Наконец на нашем биваке стало все понемногу успокаиваться. После чая люди занялись каждый своим делом: кто чистил винтовку, кто поправлял седло или починял разорванную одежду. Такой работы всегда бывает много. Покончив со своими делами, стрелки стали ложиться спать. Они плотно прижались друг к другу и, прикрывшись шинелями, заснули как убитые. Не найдя корма в лесу, лошади подошли к биваку и, опустив головы, погрузились в дремоту. Не спали только я и Олентьев. Я записывал в дневник пройденный маршрут, а он починял свою обувь. Часов в десять вечера я закрыл тетрадь и, завернувшись в бурку, лег к огню. От жара, поднимавшегося вместе с дымом кверху, качались ветки старой ели, у подножия которой мы расположились, и то закрывали, то открывали темное небо, усеянное звездами. Стволы деревьев казались длинной колоннадой, уходившей в глубь леса и незаметно сливавшейся там с ночным мраком.

Вдруг лошади подняли головы и насторожили уши, потом они успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особого внимания и про-

должали разговаривать. Прошло несколько минут. Я что-то спросил Олентьева и, не получив ответа, повернулся в его сторону. Он стоял на ногах в выжидательной позе и, заслонив рукой свет костра, смотрел куда-то в сторону.

— Что случилось? — спросил я его.

— Кто-то спускается с горы, — отвечал он шепотом.

Мы оба стали прислушиваться, но кругом было тихо, так тихо, как только бывает в лесу в холодную осеннюю ночь. Вдруг сверху посыпались мелкие камни.

— Это, вероятно, медведь, — сказал Олентьев и стал заряжать винтовку.

— Стреляй не надо! Моя люди!. — послышался из темноты голос, и через несколько минут к нашему огню подошел человек.

Одет он был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны. На голове у него была какая-то повязка, на ногах унты¹, за спиной большая котомка, а в руках сошки и старая длинная берданка.

— Здравствуй, капитан, — сказал пришедший, обратясь ко мне.

Затем он поставил к дереву свою винтовку, снял со спины котомку и, обтерев потное лицо рукавом рубашки, подсел к огню. Теперь я мог хорошо его рассмотреть. На вид ему было лет сорок пять. Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки — крепкие, мускулистые, ноги — немного кривые. Загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, маленький нос, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие русые усы окаймляли его верхнюю губу, и рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были его глаза. Темно-серые, а не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие.

Незнакомец не рассматривал нас так, как рассматривали мы его. Он достал из-за пазухи кiset с табаком, набил им свою трубку и молча стал курить. Не расспрашивая его, кто он и откуда, я предложил ему поесть. Так принято делать в тайге.

— Спасибо, капитан, — сказал он. — Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.

Пока он ел, я продолжал его рассматривать. У его пояса висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загорелые, исцарапанные. Такие же, но еще более глубокие царапины лежали на лице: одна на лбу, а другая на щеке около уха. Незнакомец снял повязку, и я увидел, что голова его покрыта густыми русыми волосами; они росли в беспорядке и свешивались по сторонам длинными прядями.

Наш гость был из молчаливых. Наконец Олентьев не выдержал и спросил пришельца прямо:

— Ты кто будешь?

— Моя гольд, — ответил он коротко.

— Ты, должно быть, охотник? — спросили его опять.

— Да, — отвечал он. — Моя постоянно охота ходи, другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету, только один охота понимай.

— А где ты живешь? — продолжал допрашивать его Олентьев.

— Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи. Огонь клади, палатка делай — спи. Постоянно охота ходи, как дома живи?

Потом он рассказал, что сегодня охотился за изюбрами, ранил одну матку, но слабо. Идя по подранку, он наткнулся на наши следы. Они завели его в овраг. Когда стемнело, он увидел огонь и пошел прямо на него.

¹ Обувь типа онучей, которая шьется из лосиной или оленьей кожи, выделанной под замшу.

Гольды возле своего жилища. Выделка рыбьих шкур.
Фотография. 1890-е гг.

— Моя тихонько ходи,— говорил он.— Думай, какой люди далеко сопках ходи? Посмотри — капитан есть, казак есть. Моя тогда прямо ходи.

— Тебя как зовут? — спросил я незнакомца.

— Дерсу Узала,— отвечал он.

Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нем было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, не заискивающе. Мы разговорились. Он долго рассказывал мне про свою жизнь, и чем больше он говорил, тем становился симпатичнее. Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несет городская цивилизация. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьем и потом выменивал предметы своей охоты на табак, свинец и порох и что винтовка ему досталась в наследство от отца. Потом он рассказал мне, что ему теперь пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты. Первые проблески его детских воспоминаний были: река, шалаш, огонь, отец, мать и сестренка.

— Все давно помирай,— закончил он свой рассказ и задумался. Он помолчал немного и продолжал снова: — У меня раньше тоже жена была, сын и девчонка. Оспа все люди кончай. Теперь моя один остался...

Лицо его стало грустным от переживаемых воспоминаний. Я пробовал было его утешить, но что были мои утешения для этого одинокого человека, у которого смерть отняла семью, это единственное утешение в старости? Он ничего мне не отвечал и только еще более поник головой. Хотелось мне как-нибудь выразить ему свое сочувствие, что-нибудь для него сделать, и я не знал, что именно. Наконец

я надумал: я предложил ему обменять его старое ружье на новое, но он отказался, сказав, что берданка ему дорога как память об отце, что он к ней привык и что она бьет очень хорошо. Он потянулся к дереву, взял свое ружье и стал гладить рукой по ложу.

Звезды на небе переместились и показывали далеко за полночь. Часы летели за часами, а мы все сидели у костра и разговаривали. Говорил больше Дерсу, а я его слушал, и слушал с удовольствием. Он рассказывал мне про свою охоту, про то, как раз он попал в плен к хунхузам, но убежал от них. Рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это боги, охраняющие женьшень от человека, говорил о злых духах, о наводнениях и т. д.

Один раз на него напал тигр и сильно изранил. Жена искала его несколько дней подряд и по следам нашла, обессиленного от потери крови. Пока он болел, она ходила на охоту.

Потом я стал его расспрашивать о том месте, где мы находимся. Он сказал, что это истоки реки Лефу и что завтра мы дойдем до первого жилища звероловов.

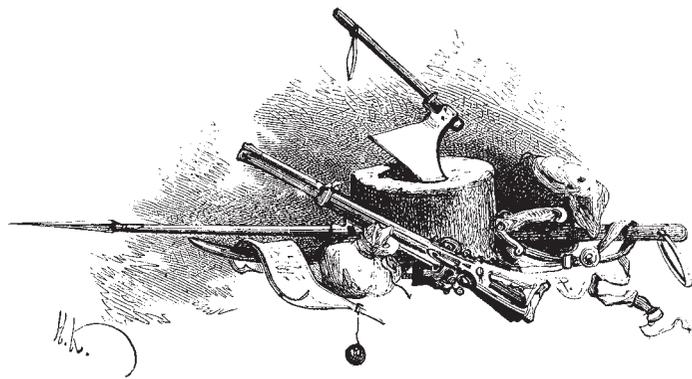
Один из спящих стрелков проснулся, удивленно посмотрел на нас обоих, проворчал что-то про себя и заснул снова.

На земле и на небе было еще темно, только в той стороне, откуда поднимались все новые звезды, чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса — верный признак, что завтра будет хорошая погода. Кругом царил торжественная тишина. Казалось, природа отдыхала тоже.

Через час восток начал алеть. Я посмотрел на часы — было шесть часов утра. Пора было будить очередного артельщика. Я стал трясти его за плечо. Стрелок сел и начал потягиваться. Яркий свет костра резал ему глаза — он морщился. Затем, увидев Дерсу, проговорил, усмехнувшись:

— Вот диво, человек какой-то! — и начал обуваться.

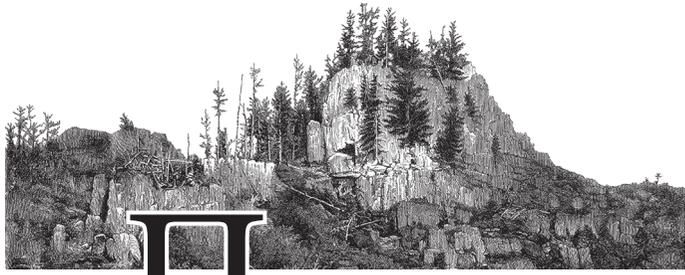
Небо из черного сделалось синим, а потом серым, мутным. Ночные тени стали жаться в кусты и овраги. Вскоре бивак наш опять ожил; заговорили люди, очнулись от оцепенения лошади; заверещала в стороне пищуха, ниже по оврагу ей стала вторить другая; послышался крик дятла и трещоточная музыка желны. Тайга просыпалась. С каждой минутой становилось все светлее, и вдруг яркие солнечные лучи снопом вырвались из-за гор и озарили весь лес. Наш бивак принял теперь другой вид. На месте яркого костра лежала грудa золы; огня почти не было видно; на земле валялись порошковые банки из-под консервов; там, где стояла палатка, торчали одни жерди и лежала примятая трава.

Глава 3

ОХОТА НА КАБАНОВ

*Изучение следов.— Забота о путнике.— Зверовая фанза.—
Гора Тудинза и верховья реки Лефу.— Кабаны.— Анимизм Дерсу.— Сон*

После чая стрелки начали вьючить коней. Дерсу тоже стал собираться. Он надел свою котомку, взял в руки сошки и берданку. Через несколько минут отряд наш тронулся в путь. Дерсу пошел с нами.

Ущелье, по которому мы шли, было длинное и извилистое. Справа и слева к нему подходили другие такие же ущелья. Из них с шумом бежала вода. Распадок¹ становился шире и постепенно превращался в долину. Здесь на деревьях были старые затески, они привели нас на тропинку. Гольд шел впереди и все время внимательно смотрел под ноги. Порой он нагибался к земле и разбирал листву руками.

— Что такое? — спросил я его.

Дерсу остановился и сказал, что тропа эта не конная, а пешеходная, что идет она по соболиным ловушкам, что несколько дней тому назад по ней прошел один человек и что, по всей вероятности, это был китаец.

Слова гольда нас всех поразили. Заметив, что мы отнеслись к нему с недоверием, он воскликнул:

— Как ваша понимай нету? Посмотри сам!

После этого он привел такие доказательства, что все мои сомнения отпали разом. Все было так ясно и так просто, что я удивился, как этого раньше я не заметил. Во-первых, на тропе нигде не было видно конских следов; во-вторых, по сторонам она не была очищена от ветвей; наши лошади пробирались с трудом и все время задевали вьюками за деревья. Повороты были так круты, что кони не могли повернуться и должны были делать обходы; через ручьи следы шли по бревну, и нигде тропа не спускалась в воду; бурелом, преграждавший путь, не был прорублен; люди шли свободно, а лошадей обводили стороной. Все это доказывало, что тропа не была приспособлена для путешествий с вьюками.

— Давно один люди ходи, — говорил Дерсу как бы про себя. — Люди ходи кончай, дождь ходи. — И он стал высчитывать, когда был последний дождь.

Часа два шли мы по этой тропе. Мало-помалу хвойный лес начал заменяться смешанным. Все чаще и чаще стали попадаться тополь, клен, осина, береза и липа. Я хотел было сделать второй привал, но Дерсу посоветовал пройти еще немного.

¹ Местное название узкой долины.

— Наша скоро балаган найти есть,— сказал он и указал на деревья, с которых была снята кора.

Я сразу понял его. Значит, поблизости должно быть то, для чего это корье предназначалось. Мы прибавили шагу и через десять минут на берегу ручья увидели небольшой односкатный балаган, поставленный охотниками или искателями женьшеня. Осмотрев его кругом, наш новый знакомый опять подтвердил, что несколько дней тому назад по тропе прошел китаец и что он ночевал в этом балагане. Прибитая дождем зола, одинокое ложе из травы и брошенные старые наколенники из дабы¹ свидетельствовали об этом.

Теперь я понял, что Дерсу не простой человек. Передо мной был следопыт, и невольно мне вспомнились герои Купера и Майн Рида.

Надо было покормить лошадей. Я решил воспользоваться этим, лег в тени кедра и тотчас же уснул. Часа через два меня разбудил Олентьев. Проснувшись, я увидел, что Дерсу наколол дров, собрал бересты и все это сложил в балаган.

Я думал, что он хочет его спалить, и начал отговаривать от этой затеи. Но вместо ответа он попросил у меня щепотку соли и горсть риса. Меня заинтересовало, что он хочет с ними делать, и я приказал дать просимое. Гольд тщательно обернул берестой спички, отдельно в бересту завернул соль и рис и повесил все это в балагане. Затем он поправил снаружи корье и стал собираться.

— Вероятно, ты думаешь вернуться сюда? — спросил я гольда.

Он отрицательно покачал головой. Тогда я спросил его, для кого он оставил рис, соль и спички.

— Какой-нибудь другой люди ходи,— отвечал Дерсу,— балаган найди, сухие дрова найди, спички найди, кушай найди — пропади нету!

Помню, меня глубоко поразило это. Я задумался... Гольд заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и продовольствие. Я вспомнил, что мои люди, уходя с биваков, всегда жгли корье на кострах. Делали они это не из озорства, а так просто, ради забавы, и я никогда их не останавливал. Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я. Забота о путнике!. Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство, это внимание к чужим интересам заглохло, а оно, несомненно, было ранее.

— Лошади готовы! Надо бы идти,— сказал подошедший ко мне Олентьев.

Я очнулся.

— Да, надо идти... Трогай! — сказал я стрелкам и пошел вперед по тропинке.

К вечеру мы дошли до того места, где две речки сливаются вместе, откуда, собственно, и начинается Лефу². Здесь она шириной 6—8 метров и имеет быстроту течения 120—140 метров в минуту. Глубина реки неравномерная и колеблется от 30 до 60 сантиметров.

После ужина я рано лег спать и тотчас уснул.

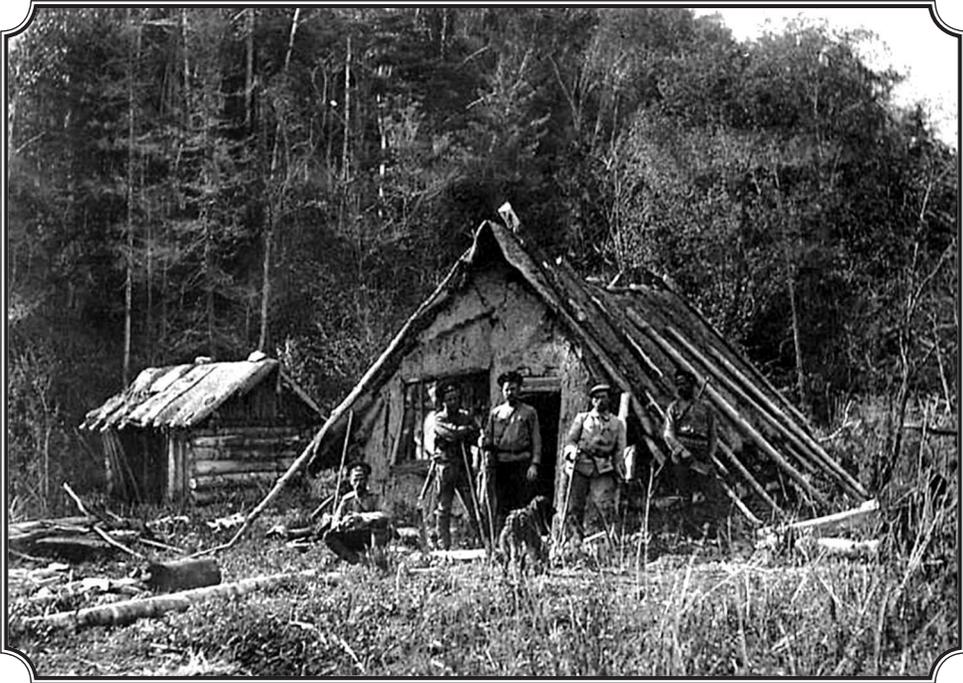
На другой день, когда я проснулся, все люди были уже на ногах. Я отдал приказание седлать лошадей и, пока стрелки возились с вьюками, успел приготовить планшет и пошел вперед вместе с гольдом.

От места нашего ночлега долина стала понемногу поворачивать на запад. Левые склоны ее были крутые, правые — пологие. С каждым километром тропа становилась шире и лучше. В одном месте лежало срубленное топором дерево. Дерсу подошел, осмотрел его и сказал:

— Весной рубили; два люди работали: один люди высокий — его топор тупой, другой люди маленький — его топор острый.

¹ Очень прочная синяя материя, из которой китайцы шьют себе одежду.

² Лефу (Ле-фу-хэ) — река счастливой охоты.

Вид фанзы.

Фотография из архива экспедиции В. К. Арсеньева. 1902 г.

Для этого удивительного человека не существовало тайн. Как ясновидящий, он знал все, что здесь происходило. Тогда я решил быть внимательнее и попытаться самому разобраться в следах. Вскоре я увидел еще один порубленный пень. Кругом валялось множество щепок, пропитанных смолой. Я понял, что кто-то добывал растопку. Ну, а дальше? А дальше я ничего не мог придумать.

— Фанза близко, — сказал гольд как бы в ответ на мои размышления.

Действительно, скоро опять стали попадаться деревья, оголенные от коры (я уже знал, что это значит), а метрах в двухстах от них на самом берегу реки среди небольшой полянки стояла зверовая фанза. Это была небольшая постройка с глинобитными стенами, крытая корьем. Она оказалась пустой. Это можно было заключить из того, что вход в нее был приперт колом снаружи. Около фанзы находился маленький огородик, изрытый дикими свиньями, и слева — небольшая деревянная кумирня, обращенная, как всегда, лицом к югу.

Внутренняя обстановка фанзы была грубая. Железный котел, вмазанный в низенькую печь, от которой шли дымовые ходы, согревающие каны (нары), два-три долбленных корытца, деревянный ковш для воды, железный кухонный резак, металлическая ложка, метелочка для промывки котла, две запыленные бутылки, кое-какие брошенные тряпки, одна или две скамеечки, масляная лампа и обрывки звериных шкур, разбросанные по полу, составляли все ее убранство.

Отсюда вверх по Лефу шли три тропы. Одна была та, по которой мы пришли, другая вела в горы на восток, и третья направлялась на запад. Эта последняя была многохожена, конная. По ней мы пошли дальше. Люди закинули лошадей поводья на шею и предоставили им самим выбирать дорогу. Умные животные шли хорошо и всячески старались не зацеплять вьюками за деревья. В местах болотистых и на каменистых россыпях они не прыгали, а ступали осторожно, каждый раз пробуя почву ногой, прежде чем поставить ее как следует. Этой сноровкой отличаются именно местные лошади, привыкшие к путешествиям в тайге с вьюками.

От зверовой фанзы река Лефу начала понемногу загибать к северо-востоку. Пройдя еще километров шесть, мы подошли к сельскохозяйственным фанзам, расположенным на правом берегу реки, у подножия высокой горы, которую китайцы называют Тудинза¹.

Неожиданное появление военного отряда смутило китайцев. Я велел Дерсу сказать им, чтобы они не боялись нас и продолжали свои работы.

Мне хотелось посмотреть, как живут в тайге китайцы и чем они занимаются.

Звериные шкуры, растянутые для просушки, изюбровые рога, сложенные грудой в амбаре, панты, подвешенные для просушки, мешочки с медвежьей желчью², олени выпоротки³, рысьи, куньи, собольи и беличьи меха и инструменты для ловушек — все это указывало на то, что местные китайцы занимаются не столько земледелием, сколько охотой и звероловством. Около фанз были небольшие участки обработанной земли. Китайцы сеяли пшеницу, чумизу и кукурузу. Они жаловались на кабанов и говорили, что недавно целые стада их спустились с гор в долины и начали травить поля. Поэтому пришлось собирать овощи, не успевшие дозреть, но теперь на землю осыпались желуди — и дикие свиньи удалились в дубняки.

Солнце стояло еще высоко, и я решил подняться на гору Тудинза, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Вместе со мной пошел и Дерсу. Мы отправились налегке и захватили с собой только винтовки.

Гора Тудинза представляет собой массив, круто падающий в долину реки Лефу и изрезанный глубокими паадьми с северной стороны. Пожелтевшая листва деревьев стала уже осыпаться на землю. Лес повсюду начинал сквозить, и только дубняки стояли еще одетые в свой наряд, поблекший и полузасохший.

Гора была крутая. Раза два мы садились и отдыхали, потом опять лезли вверх.

Кругом вся земля была изрыта. Дерсу часто останавливался и разбирал следы. По ним он угадывал возраст животных, пол их, видел следы хромого кабана, нашел место, где два кабана дрались и один гонял другого. С его слов все это я представил себе ясно. Мне казалось странным, как это раньше я не замечал следов, а если видел их, то, кроме направления, в котором уходили животные, они мне ничего не говорили.

Через час мы достигли вершины горы, покрытой осыпями.

Здесь мы сели на камни и стали осматриваться.

На востоке высился высокий водораздел между бассейном Лефу и водами, текущими в Даубихе. Другой горный хребет тянулся с востока на запад и служил границей между Лефу и рекой Майхе. На юго-востоке, там, где оба эти хребта сходились вместе, высилась куполообразная гора Да-Дянь-Шань.

Отсюда, с вершины Тудинзы, нам хорошо был виден весь бассейн верхнего течения Лефу, слагающийся из трех речек одинаковой величины. Две из них сливаются раньше и текут от востоко-северо-востока; третья, та, по которой мы шли, имела направление меридиональное. Истоки каждой из них состоят из нескольких горных ручьев, сливающихся в одно место. В топографическом отношении горы верхнего Лефу представляют собой плоские возвышенности с чрезвычайно крутыми склонами, покрытые густым смешанным лесом с большим преобладанием хвой.

Близ сельскохозяйственных фанз река Лефу делает небольшую излучину, чему причиной является отрог, выдвинувшийся из южного массива. Затем она склоняется к югу и, обогнув гору Тудинза, опять поворачивает к северо-востоку, какое на-

¹ Ту-дин-цзы — земляная вершина.

² Употребляется китайцами как лекарство от трахомы.

³ Плоды стельных маток тоже идут на изготовление лекарства для надорвавших от работы.

правление и сохраняет уже до самого своего впадения в озеро Ханка. Как раз против Тудинзы река Лефу принимает в себя еще один приток — реку Отрадную. По этой последней идет вьючная тропа на реку Майхе.

— Посмотри, капитан,— сказал мне Дерсу, указывая на противоположный склон пади.— Что это такое?

Я взглянул в указанном направлении и увидел какое-то темное пятно. Я думал, что это тень от облака, и высказал Дерсу свое предположение. Он засмеялся и указал на небо. Я посмотрел вверх. Небо было совершенно безоблачным: на беспредельной его синеве не было ни одного облачка. Через несколько минут пятно изменило свою форму и немного передвинулось в сторону.

— Что это такое? — спросил я гольда в свою очередь.

— Тебе понимай нету,— отвечал он.— Надо ходи посмотри.

Мы стали спускаться вниз. Скоро я заметил, что пятно тоже двигалось нам навстречу. Минут через десять гольд остановился, сел на камень и указал мне знаком, чтобы я сделал то же.

— Наша тут надо дожидай,— сказал он.— Надо тихо сиди, чего-чего ломай не надо, говори тоже не надо.

Мы стали ждать. Вскоре я опять увидел пятно. Оно возросло до больших размеров. Теперь я мог рассмотреть его составные части. Это были какие-то живые существа, постоянно передвигающиеся с места на место.

— Кабаны! — воскликнул я.

Действительно, это были дикие свиньи. Их было тут более сотни. Некоторые животные отходили в сторону, но тотчас опять возвращались назад. Скоро можно было рассмотреть каждое животное отдельно.

— Один люди шибко большой,— тихонько проговорил Дерсу.

Я не понял, про какого «человека» он говорил, и посмотрел на него недоумевающе.

Посредине стада, как большой бугор, выделялась спина огромного кабана. Он превосходил всех своими размерами и, вероятно, имел около 250 килограммов веса. Стадо приближалось с каждой минутой. Теперь ясно были слышны шум сухой листвы, взбиваемой сотнями ног, треск сучьев, резкие звуки, издаваемые самцами, хрюканье свиней и визг поросят.

— Большой люди близко ходи нету,— сказал Дерсу.

И я опять его не понял.

Самый крупный кабан был в центре стада, множество животных бродило по сторонам, и некоторые отходили довольно далеко от табуна, так что, когда эти одиночные свиньи подошли к нам почти вплотную, большой кабан был еще вне выстрела. Мы сидели и не шевелились. Вдруг один из ближайших к нам кабанов поднял кверху свое рыло. Он что-то жевал. Я как сейчас помню большую голову, настороженные уши, свирепые глаза, подвижную морду с двумя носовыми отверстиями и белые клыки. Животное замерло в неподвижной позе, перестало есть и уставилось на нас злобными вопрошающими глазами. Наконец оно поняло опасность и издало резкий крик. Вмиг все стадо с шумом и фырканием бросилось в сторону. В это мгновение грянул выстрел. Одно из животных грохнулось на землю. В руках Дерсу дымилась винтовка.

Еще несколько секунд в лесу был слышен треск ломаемых сучьев, затем все стихло.

Кабан, обитающий в Уссурийском крае,— вид, близкий к японской дикой свинье,— достигает 300 килограммов веса и имеет наибольшие размеры: 2 метра в длину и 1 метр в высоту. Общая окраска животного бурая, спина и ноги черные; поросята всегда продольно-полосатые. Тело его овальное, несколько сжатое с боков и поддерживается четырьмя крепкими ногами. Шея короткая

и очень сильная; голова клиновидная; морда оканчивается довольно твердым и подвижным пяточком, при помощи которого дикая свинья копает землю. Кабан относится к бугорчатозубым, но, кроме корневых зубов, самцы вооружены еще острыми клыками, которые с возрастом увеличиваются, загибаются назад и достигают длины 20 сантиметров. Так как кабан любит тереться о стволы елей, кедров и пихт, жесткая щетина его бывает часто запачкана смолой. Осенью во время холодов он валяется в грязи. От этого к щетине его примерзает вода, сосульки все увеличиваются и образуют иногда такой толстый слой льда, что он служит помехой движениям животного.

Область распространения диких свиней в Уссурийском крае тесно связана с распространением кедра, ореха, лещины и дуба. Северная граница этой области проходит от низов Хунгари, через среднее течение Анюя, верхнее — Хора и истоки Бикина, а оттуда идет через Сихотэ-Алинь на север к мысу Успения. Одиночные кабаны попадаются и на реках Копи, Хади и Тумнин. Животное это чрезвычайно подвижное и сильное. Оно прекрасно видит, отлично слышит и имеет хорошее обоняние. Будучи ранен, кабан становится весьма опасен. Беда неразумному охотнику, который без мер предосторожности вздумает пойти по подранку. В этих случаях кабан ложится на свой след, головой навстречу преследователю. Завидев человека, он с такой стремительностью бросается на него, что последний нередко не успевает даже приставить приклад ружья к плечу и выстрелить.

Кабан, убитый гольдом, оказался двухгодовалой свиньей.

Я спросил старика, почему он не стрелял секача.

— Его старый люди,— сказал он про кабана с клыками.— Его худо кушай, мясо мало-мало пахнет.

Меня поразило, что Дерсу кабанов называет «людьми». Я спросил его об этом.

— Его все равно люди,— подтвердил он,— только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругом понимай! Все равно люди...

Для меня стало ясно. Воззрение на природу этого первобытного человека было анимистическое, и потому все окружающее он очеловечивал.

На горе мы пробыли довольно долго. Незаметно закончился день. У облаков, столпившихся на западе, края светились так, точно они были из расплавленного металла. Сквозь них прорывались солнечные лучи и веерообразно расходились по небу.

Дерсу наскоро освежевал убитого кабана, взвалил его к себе на плечи, и мы пошли к дому. Через час мы были уже на биваке.

В китайских фанзах было тесно и дымно, поэтому я решил лечь спать на открытом воздухе вместе с Дерсу.

— Моя думай,— сказал он, поглядывая на небо,— ночью тепло будет, завтра вечером — дождь...

Я долго не мог уснуть. Всю ночь мне мерещилась кабанья морда с раздутыми ноздрями. Ничего другого, кроме этих ноздрей, я не видел. Они казались мне маленькими точками. Потом вдруг увеличивались в размерах. Это была уже не голова кабана, а гора и ноздри — пещеры, и будто в пещерах опять кабаны с такими же дырватыми мордами.

Странно устроен человеческий мозг. Из впечатлений целого дня, из множества разнородных явлений и тысячи предметов, которые всюду попадают на глаза, что-нибудь одно, часто даже не главное, а случайное, второстепенное, запоминается сильнее, чем все остальное! Некоторые места, где у меня не было никаких приключений, я помню гораздо лучше, чем те, где что-нибудь случилось. Почему-то запомнились одно дерево, которое ничем не отличалось от других деревьев, муравейник, пожелтевший лист, один вид мха и т. д. Я думаю, что я мог бы вещи эти нарисовать подробно со всеми деталями.

Глава 4

ПРОИСШЕСТВИЕ В КОРЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Приметы Дерсу о погоде. — Перестрелка. — Равнодушие корейцев. — Деревня Казакевичево. — Экскурсия на речные террасы. — Дерсу устраивается на ночь. — Тропа до деревни Ляличи

Утром я проснулся позже других. Первое, что мне бросилось в глаза, — отсутствие солнца. Все небо было в тучах. Заметив, что стрелки укладывают вещи так, чтобы их не промочил дождь, Дерсу сказал:

— Торопиться не надо. Наша днем хорошо ходи, вечером будет дождь.

Я спросил его, почему он так думает.

— Тебе сам посмотри, — ответил гольд. — Видишь, маленькие птицы туда-сюда ходи, играй, кушай. Дождь скоро — его тогда тихонько сиди, все равно спи.

Действительно, я вспомнил, что перед дождем всегда бывает тихо и сумрачно, а теперь — наоборот: лес жил полной жизнью, всюду перекликались дятлы, сойки и кедровки и весело посвистывали суетливые поползни.

Расспросив китайца о дороге, мы тронулись в путь.

После горы Тудинза долина реки Лефу сразу расширяется (от 1 до 3 километров). Отсюда начинались жилые места.

Часам к двум мы дошли до деревни Николаевки, в которой насчитывалось тогда тридцать шесть дворов. Отдохнув немного, я велел Олентьеву купить овса и накормить хорошенько лошадей, а сам вместе с Дерсу пошел вперед. Мне хотелось поскорей дойти до ближайшей деревни Казакевичево и устроить своих спутников на ночь под крышу.

Осенью в пасмурный день всегда смеркается рано. Часов в пять начал накрапывать дождь. Мы прибавили шаг. Скоро дорога разделилась надвое. Одна шла за реку, другая как будто бы направлялась в горы. Мы выбрали последнюю. Потом стали попадаться другие дороги, пересекающие нашу в разных направлениях. Когда мы подходили к деревне, было уже совсем темно.

В это время стрелки дошли до перекрестка дорог и, не зная, куда идти, дали два выстрела. Опасаясь, что они могут заблудиться, я ответил им тем же. Вдруг в ближайшей фанзе раздался крик, и вслед за тем из окна ее грянул выстрел, потом другой, третий — и через несколько минут стрельба поднялась по всей деревне. Я ничего не мог понять: дождь, крики, ружейная пальба... Что случилось, почему поднялся такой переполох? Вдруг из-за одной фанзы показался свет. Какой-то кореец нес в одной руке керосиновый факел, а в другой берданку. Он бежал и кричал что-то по-своему. Мы бросились к нему навстречу. Неровный красноватый свет факела прыгал по лужам и освещал его искаженное страхом лицо. Увидев нас, кореец бросил факел на землю, выстрелил в упор в Дерсу и убежал. Разлившийся по земле керосин вспыхнул и загорелся дымным пламенем.

— Ты не ранен? — спросил я Дерсу.

— Нет, — сказал он и стал поднимать факел.

Я видел, что в него стреляют, а он стоял во весь свой рост, махал рукой и что-то кричал корейцам.

Услышав стрельбу, Олентьев решил, что мы подверглись нападению хунхузов. Оставив при лошадях двух коноводов, он с остальными людьми бросился к нам на выручку. Наконец стрельба из ближайшей к нам фанзы прекратилась. Тогда Дерсу вступил с корейцами в переговоры. Они ни за что не хотели открывать дверей. Никакие увещания не помогли. Корейцы ругались и грозили возобновить пальбу из ружей.

Нечего делать, надо было становиться биваком. Мы разложили костры на берегу реки и начали ставить палатки. В стороне стояла старая развалившаяся фанза, а рядом с ней были сложены груды дров, заготовленных корейцами на зиму. В деревне стрельба долго еще не прекращалась. Те фанзы, что были в стороне, отстреливались всю ночь. От кого? Корейцы и сами не знали этого. Стрелки и ругались и смеялись.

На другой день была назначена дневка. Я велел людям осмотреть седла, просушить то, что промокло, и почистить винтовки. Дождь перестал; свежий северо-западный ветер разогнал тучи; выглянуло солнце.

Я оделся и пошел осматривать деревню.

Казалось бы, что после вчерашней перепалки корейцы должны были прийти на наш бивак и посмотреть людей, в которых они стреляли. Ничего подобного. Из соседней фанзы вышло двое мужчин. Они были одеты в белые куртки с широкими рукавами, в белые ватные шаровары и имели плетеную веревочную обувь на ногах. Они даже не взглянули на нас и прошли мимо. Около другой фанзы сидел старик и крутил нитки. Когда я подошел к нему, он поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых нельзя было прочесть ни любопытства, ни удивления. По дороге навстречу нам шла женщина, одетая в белую юбку и белую кофту; грудь ее была открыта. Она несла на голове глиняный кувшин с водой и шла прямо, ровной походкой, глядя вниз на землю. Поравнявшись с нами, кореянка не посторонилась и, не поднимая глаз, прошла мимо. И всюду, куда я ни приходил, я видел то удивительное равнодушие, которым так отличаются корейцы. «Страна утреннего спокойствия» — вспомнилось мне название, данное Корее. Это спокойствие очень похоже на тупость. Казалось, здесь не было жизни, а были только одни механические движения.

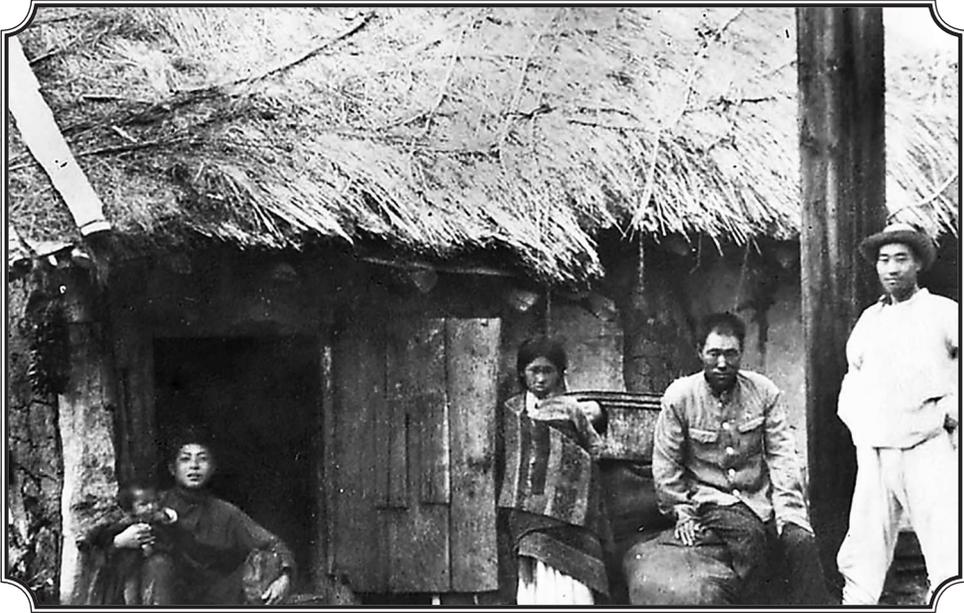
Корейцы живут хуторами. Фанзы их разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, и каждая находится в середине своих полей и огородов. Вот почему небольшая корейская деревня сплошь и рядом занимает пространство в несколько квадратных километров.

Возвращаясь назад к биваку, я вошел в одну из фанз. Тонкие стены ее были обмазаны глиной изнутри и снаружи. В фанзе имелось трое дверей с решетчатыми окнами, оклеенными бумагой. Соломенная четырехскатная крыша была покрыта сетью, сплетенной из сухой травы.

В фанзе я увидел ту самую женщину, которая переходила нам дорогу с кувшином на голове. Она сидела на корточках и деревянным ковшом наливала в котел

Корейские фанзы все одинаковы. Внутри их имеется глиняный кан. Он занимает больше половины помещения. Под каном проходят печные трубы, согревающие полы в комнатах и распространяющие тепло по всему дому. Дымовые ходы выведены наружу в большое дуплистое дерево, заменяющее трубу. В одной половине фанзы,

где находятся каны, помещаются люди, в другой, с земляным полом, — куры, лошади и рогатый скот. Жилая половина дощатыми перегородками разделяется еще на отдельные комнаты, устланные чистыми циновками. В одной комнате помещаются женщины с детьми, в других — мужчины и гости.

Корейская фанза.
Фотография. 1910 г.

воду. Делала она это медленно, высоко поднимала ковш кверху и лила воду как-то странно — через руку в правую сторону. Она равнодушно взглянула на меня и молча продолжала свое дело. На кане сидел мужчина лет пятидесяти и курил трубку. Он не шевельнулся и ничего не ответил на мое приветствие. Я посидел с минуту, затем вышел на улицу и направился к своим спутникам. После обеда я отправился экскурсировать по окрестностям. Переправившись на другую сторону реки, я поднялся на возвышенность. Это была древняя речная терраса высотой в 20 метров. Нижние слои ее состояли из песчаников, верхний — из пористой лавы. Большие пустоты в лаве свидетельствовали о том, что в момент извержения она была сильно насыщена газами. Многие пустоты выполнены каким-то минералом черного и серо-синего цвета.

С высоты террасы мне открывался чудный вид на долину реки Лефу. Правый берег, где расположилась деревня Казакевичево, был низменный. В этих местах Лефу принимает в себя четыре притока: Малую Лефу и Пичинзу — с левой стороны и Ивановку и Лубянку — с правой. Между устьями двух последних, на такой же древней речной террасе, расположилось большое село Ивановское, насчитывающее около двухсот дворов¹. Дальше долина Лефу становится расплывчатой. Пологие холмы, мало возвышающиеся над общим уровнем, покрыты дубовым и чернопереберзовым редколесьем.

Часа два я бродил по окрестностям и наконец опять подошел к обрыву.

День склонялся к вечеру. По небу медленно ползли легкие розовые облачка. Дальние горы, освещенные последними лучами заходящего солнца, казались фиолетовыми. Оголенные от листьев деревья приняли однотонную серую окраску. В нашей деревне по-прежнему царило полное спокойствие. Из длинных труб фанз вились белые дымки. Они быстро таяли в прохладном вечернем воздухе. По дорожкам кое-где мелькали белые фигуры корейцев. Внизу, у самой реки, горел огонь. Это был наш бивак.

¹ Основание селения относится к 1883 г.

Когда я возвращался назад, уже смеркалось. Вода в реке казалась черной, и на спокойной поверхности ее отражались пламя костра и мигающие на небе звезды. Около огня сидели стрелки: один что-то рассказывал, другие смеялись.

— Ужинать! — крикнул артельщик.

Смех и шутки сразу прекратились.

После чая я сел у огня и стал записывать в дневнике свои наблюдения. Дерсу разбирал свою котомку и поправлял костер.

— Мало-мало холодно, — сказал он, пожимая плечами.

— Иди спать в фанзу, — посоветовал я ему.

— Не хочу, — ответил он, — моя всегда так спи.

Затем он натыкал позади себя несколько ивовых прутьев и обтянул их полотнищами палатки, потом постелил на землю козью шкуру, сел на нее и, накинув себе на плечи кожаную куртку, закурил трубку. Через несколько минут я услышал легкий храп. Он спал. Голова его свесилась на грудь, руки опустились, погасшая трубка выпала изо рта и лежала на коленях... «И так всю жизнь, — подумал я. — Каким тяжелым трудом, ценой каких лишений добывал себе этот человек средства к жизни!» Но тотчас я поймал себя на другой мысли: «Едва ли бы этот зверолов согласился променять свою свободу».

В стороне глухо шумела река; где-то за деревней лаяла собака; в одной из фанз плакал ребенок. Я завернулся в бурку, лег спиной к костру и сладко уснул.

На другой день чуть свет мы все были уже на ногах. Ночью наши лошади, не найдя корма на корейских пашнях, ушли к горам на отаву. Пока их разыскивали, артельщик приготовил чай и сварил кашу. Когда стрелки вернулись с конями, я успел закончить свои работы. В восемь часов утра мы выступили в путь.

От описанного села Казакевичева¹ по долине реки Лефу есть две дороги. Одна из них, кружная, идет на село Ивановское, другая, малохоженная и местами болотистая, идет по левому берегу реки. Мы выбрали последнюю. Чем дальше, тем долина все более и более принимала характер луговой.

По всем признакам видно было, что горы заканчиваются. Они отодвинулись куда-то в сторону, и на место их выступили широкие и пологие увалы, покрытые кустарниковой порослью. Дуб и липа дровяного характера с отмерзшими вершинами растут здесь кое-где группами и в одиночку. Около самой реки — частые насаждения ивы, ольхи и черемухи. Наша тропа стала принимать влево, в горы, и увела нас от реки километра на четыре.

В этот день мы немного не дошли до деревни Ляличи² и заночевали в шести километрах от нее.

Вечером я сидел с Дерсу у костра и беседовал с ним о дальнейшем маршруте по реке Лефу. Гольд говорил, что далее пойдут обширные болота и бездорожье, и советовал плыть на лодке, а лошадей и часть команды оставить в Ляличах. Совет его был вполне благоразумный. Я последовал ему и только изменил место пребывания команды.

¹ Село Казакевичево основано в 1872 г.

² Основана в 1885 г.

Глава 5

НИЖНЕЕ ТЕЧЕНИЕ ЛЕФУ

Ночевка около деревни Ляличи.— Море травы.— Осенний перелет птиц.— Стрельба Дерсу.— Село Халкидон.— Живая вода и живой огонь.— Пернатое население болот.— Теневой сегмент земли.— Тяжелое состояние после сна.— Перемена погоды

Н а другое утро я взял с собой Оленьева и стрелка Марченко, а остальных отправил в село Черниговка с приказанием дожидаться там моего возвращения. При содействии старосты нам очень скоро удалось заполучить довольно сносную плоскодонку. За нее мы отдали двенадцать рублей деньгами и две бутылки водки. Весь день был употреблен на оборудование лодки. Дерсу сам приспособлял весла, устраивал из колышков уключины, налаживал сиденья и готовил шесты. Я любовался, как работа у него в руках спорилась и кипела. Он никогда не суетился, все действия его были обдуманно, последовательны, и ни в чем не было проволочек. Видно было, что он в жизни прошел такую школу, которая приучила его быть энергичным, деятельным и не тратить времени понапрасну. Случайно в одной избе нашлись готовые сухари. А больше нам ничего не надо было. Все остальное — чай, сахар, соль, крупу и консервы — мы имели в достаточном количестве. В тот же вечер по совету гольда все имущество было перенесено в лодку, а сами мы остались ночевать на берету.

Ночь выпала ветреная и холодная. За недостатком дров огня большого развести было нельзя, и потому все зябли и почти не спали.

Как я ни старался завернуться в бурку, но холодный ветер находил где-нибудь лазейку и знобил то плечо, то бок, то спину. Дрова были плохие, они трещали и бросали во все стороны искры. У Дерсу прогорело одеяло. Сквозь дремоту я слышал, как он ругал полено, называя его по-своему — «худой люди».

— Его постоянно так гори — все равно кричи, — говорил он кому-то и при этом изображал своим голосом, как трещат дрова. — Его надо гоняй.

После этого я слышал всплеск по реке и шипение головешки. Очевидно, старик бросил ее в воду. Потом мне удалось как-то согреться, и я уснул.

Ночью я проснулся и увидел Дерсу, сидящего у костра. Он поправлял огонь. Ветер раздувал пламя во все стороны. Поверх бурки на мне лежало одеяло гольда. Значит, это он прикрыл меня, вот почему я и согрелся. Стрелки тоже были прикрыты его палаткой. Я предлагал Дерсу лечь на мое место, но он отказался.

— Не надо, капитан, — сказал он. — Тебе спи, моя буду караулить огонь. Его шибко вредный, — он указал на дрова.

Чем ближе я присматривался к этому человеку, тем больше он мне нравился. С каждым днем я открывал в нем новые достоинства. Раньше я думал, что эгоизм особенно свойствен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия

и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибся ли я? Под эти мысли я опять задремал и проспал до утра.

Когда совсем рассвело, Дерсу разбудил нас. Он согрел чай и изжарил мясо. После завтрака я отправил команду с лошадьми в Черниговку, затем мы спустили лодку в воду и тронулись в путь.

Подгоняемая шестью, лодка наша хорошо шла по течению. Километров через пять мы достигли железнодорожного моста и остановились на отдых. Дерсу рассказал, что в этих местах он бывал еще мальчиком с отцом, они приходили сюда на охоту за козами. Про железную дорогу он слышал от китайцев, но никогда ее раньше не видел.

После краткого отдыха мы поплыли дальше. Около железнодорожного моста горы закончились. Я вышел из лодки и поднялся на ближайшую сопку, чтобы в последний раз осмотреться во все стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами. Сзади, на востоке, толпились горы; на юге были пологие холмы, поросшие лиственным редколесьем; на севере, насколько хватал глаз, расстилалось бесконечное низменное пространство, покрытое травой. Сколько я ни напрягал зрение, я не мог увидеть конца этой низины. Она уходила вдаль и скрывалась где-то за горизонтом. Порой по ней пробегал ветер. Трава колыхалась и волновалась, как море. Кое-где группами и в одиночку росли чахлые березки и другие какие-то деревья. С горы, на которой я стоял, реку Лефу далеко можно было проследить по ольшаникам и ивнякам, растущим по ее берегам в изобилии. Вначале она сохраняет свое северо-восточное направление, но, не доходя сопки, видневшихся на западе километрах в восьми, поворачивает на север и немного склоняется к востоку. Бесчисленное множество протоков, слепых рукавов, заводей и озерков окаймляет ее с обеих сторон. Низина эта казалась безжизненной и пустынной. Ярко блестящие на солнце в разных местах лужи свидетельствовали о том, что долина Лефу в дождливый период года легко затопляется водой.

На всем этом пространстве Лефу принимает в себя с левой стороны два притока: Сандуган¹ и Хунухезу². Последняя протекает по такой же низменной и болотистой долине, как и сама Лефу.

К полудню мы доехали еще до одной возвышенности, расположенной на самом берегу реки, с левой стороны. Сопка эта, высотой 120—140 метров, покрыта редколесьем из дуба, березы, липы, клена, ореха и акаций. Отсюда шла тропинка, вероятно, к селу Вознесенскому, находящемуся западнее, километрах в двенадцати.

Во вторую половину дня мы проехали еще столько же и стали биваком довольно рано.

Долгое сидение в лодке наскучило, и потому всем хотелось выйти и размять онемевшие члены. Меня тянуло в поле. Олентьев и Марченко принялись устраивать бивак, а мы с Дерсу пошли на охоту. С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим. Внизу, под ногами, — трава, спереди и сзади — трава, с боков — тоже трава и только сверху — голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря. Это впечатление становилось еще сильнее, когда, взобравшись на какую-нибудь кочку, я видел, как степь волновалась. С робостью и опаской я опять погружался в траву и шел дальше. В этих местах так же легко заблудиться, как и в лесу. Мы несколько раз сбивались с дороги, но тотчас же спешили исправить свои ошибки. Найдя какую-нибудь кочку, я взбирался на нее и старался рассмотреть что-нибудь впереди. Дерсу хватал вейник и полынь руками и пригибал их к земле. Я смотрел

¹ *Сань-дао-ган* — увал, по которому проходит третья дорога, или третий увал на пути.

² *Ху-ни-хэ-цзы* — грязная речка.

вперед, в стороны, и всюду передо мной расстилось бесконечное волнующееся травяное море¹. Население этих болотистых степей главным образом пернатое. Кто не бывал в низовьях Лефу во время перелета, тот не может себе представить, что там происходит. Тысячи тысяч птиц большими и малыми стаями тянулись к югу. Некоторые шли в обратном направлении, другие — наискось в сторону. Вереницы их то поднимались кверху, то опускались вниз, и все разом, ближние и дальние, проектировались на фоне неба, в особенности внизу, около горизонта, который вследствие этого казался как бы затянутым паутиной. Я смотрел как очарованный.

Выше всех были орлы. Распластав свои могучие крылья, они парили, описывая большие круги. Что для них расстояния? Некоторые из них кружились так высоко, что едва были заметны. Ниже их, но все же высоко над землей, летели гуси. Эти осторожные птицы шли правильными косяками и, тяжело вразброд махая крыльями, оглашали воздух своими сильными криками. Рядом с ними летели казарки и лебеди. Внизу, близко к земле, с шумом неслись торопливые утки. Тут были стаи грузной кряквы, которую легко можно было узнать по свистящему шуму, издаваемому ее крыльями, и совсем над водой тысячами летели чирки и другие мелкие утки.

Там и сям в воздухе виднелись канюки и пустельга. Эти представители соколов описывали красивые круги, подолгу останавливались на одном месте и, трепеща крыльями, зорко высматривали на земле добычу. Порой они отлетали в сторону, опять описывали круги и вдруг, сложив крылья, стремглав бросались книзу, но, едва коснувшись травы, снова быстро взмывали вверх. Грациозные и подвижные чайки и изящные проворные крачки своей снежной белизной мелькали в синеве лазурного неба. Кроншнепы летели легко, плавно и при полете своим делали удивительно красивые повороты. Остроклювые крохали на лету посматривали по сторонам, точно выискивая место, где бы им можно было остановиться. Сивки — моряки держались болотистых низин. Лужи стоячей воды, видимо, служили для них вехами, по которым они и держали направление. И вся масса птиц неслась к югу. Величественная картина!

Вдруг совершенно неожиданно откуда-то взялись две козули. Они были от нас шагах в шестидесяти. В густой траве их почти не было видно — мелькали только головы с растопыренными ушами и белые пятна около задних ног. Отбежав шагов полтора, козули остановились. Я выпалил из ружья и промахнулся. Раскатистое эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по реке. Тысячи птиц поднялись от воды и с криком полетели во все стороны. Испуганные козули сорвались с места и снова пошли большими прыжками. Тогда прицелился Дерсу. И в тот момент, когда голова одной из них показалась над травой, он спустил курок. Когда дым рассеялся, животных уже не было видно. Гольд снова зарядил свою винтовку и не торопясь пошел вперед. Я молча последовал за ним. Дерсу огляделся, потом повернул назад, пошел в сторону и опять вернулся обратно. Видно было, что он что-то искал.

— Кого ты ищешь? — спросил я его.

— Козулю, — отвечал он.

— Да ведь она ушла.

— Нет, — сказал он уверенно. — Моя в голову его попади.

Я принялся тоже искать убитое животное, хотя и не совсем верил гольду. Мне казалось, что он ошибся. Минут через десять мы нашли козулю. Голова ее оказа-

¹ Главными представителями этих трав будут: тростники высотой до 3 метров, вейник — 1,5 метра, полынь — 2 метра и др. Из древесных пород, растущих по берегам проток, можно отметить кустарниковую лозу, осину, белую березу, ольху и др.

лась действительно простреленной. Дерсу взвалил ее себе на плечи и тихонько пошел обратно. На бивак мы возвратились уже в сумерки.

Вечерняя заря еще пыталась было бороться с надвигающейся тьмой, но не могла ее осилить, уступила и ушла за горизонт. Тотчас на небе замигали звезды, словно и они обрадовались тому, что наконец-то солнце дало им свободу. Около протоки темнела какая-то роща. Деревьев теперь разобрать было нельзя: они все стали похожи друг на друга. Сквозь них виднелся свет нашего костра. Вечер был тихий и прохладный. Слышно было, как где-то неподалеку от нас с шумом опустилась в воду стая уток. По полету можно было узнать, что это были чирки.

После ужина Дерсу и Олентьев принялись свежевать козулю, а я занялся своей работой. Покончив с дневником, я лег, но долго не мог уснуть. Едва я закрывал глаза, как передо мной тотчас появлялась качающаяся паутина: это было волнующееся травяное море и бесчисленные стаи гусей и уток. Наконец под утро я уснул.

На следующий день мы встали довольно рано, наскоро напильсь чая, уложили свои пожитки в лодку и поплыли по Лефу.

Чем дальше, тем извилистее становилась река. Кривуны ее (так местные жители называют извилины) описывают почти полные окружности и вдруг поворачивают назад, опять загибаются, и нет места, где река хоть бы немного текла прямо.

В нижнем течении Лефу принимает в себя с правой стороны два небольших притока: Монастырку и Черниговку. Множество проток и длинных слепых рукавов идет перпендикулярно к реке, наискось и параллельно ей, и образует весьма сложную водную систему. Километров на восемь ниже Монастырки горы подходят к Лефу и оканчиваются здесь безымянной сопкой в 290 метров высоты. У подножия ее расположилась деревня Халкидон. Это было последнее в здешних местах селение. Дальше к северу до самого озера Ханка жилых мест не было.

Взятые с собой запасы продовольствия подходили к концу. Надо было их пополнить. Мы вытащили лодку на берег и пошли в деревню. Посредине ее проходила широкая улица, дома стояли далеко друг от друга. Почти все крестьяне были старожилками и имели надел в сто десятин. Я вошел в первую попавшуюся избу. Нельзя сказать, чтобы на дворе было чисто; нельзя сказать, чтобы чисто было и в доме. Мусор, разбросанные вещи, покачнувшийся забор, сорванная с петель дверь, почерневший от времени и грязи рукомойник свидетельствовали о том, что обитатели этого дома не особенно любили порядок. Когда мы зашли во двор, навстречу нам вышла женщина с ребенком на руках. Она испуганно посторонилась и робко ответила на мое приветствие.

Я невольно обратил внимание на окна. Они были с двойными рамами в четыре стекла. Пространство же между ними почти до половины нижних стекол было заполнено чем-то серовато-желтоватым. Сначала я думал, что это опилки, и спросил хозяйку, зачем их туда насыпали.

— Какие это опилки,— сказала женщина,— это комары.

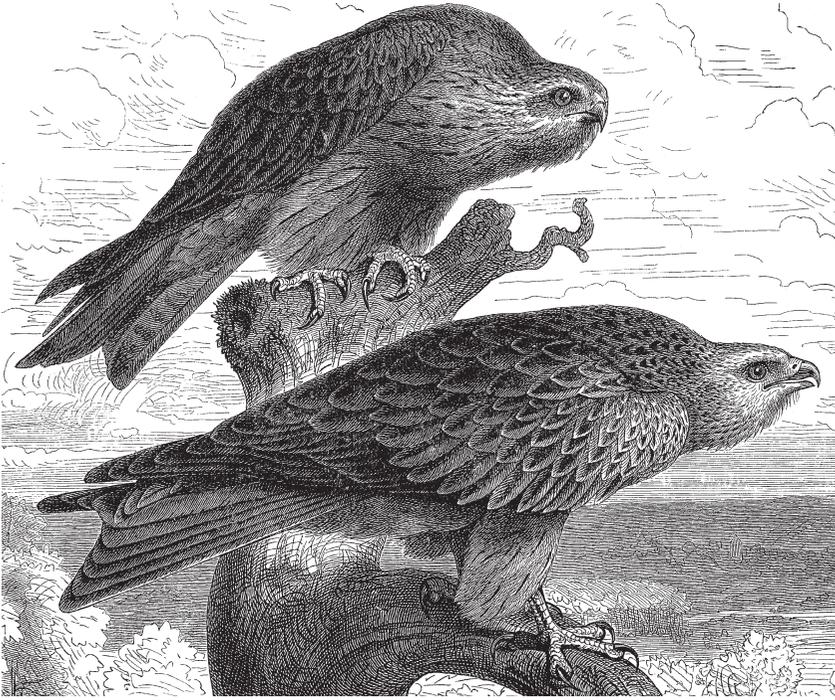
Я подошел поближе. Действительно, это были сухие комары. Их тут было по крайней мере с полкилограмма.

— Мы только и спасаемся от них двумя рамами в окнах,— продолжала она.— Они залезают между стекол и там пропадают. А в избе мы раскладываем дымокуры и спим в комарниках.

— А вы бы выжигали траву в болотах,— сказал ей стрелок Марченко.

— Мы выжигали, да ничего не помогает. Комары-то из воды выходят. Что им огонь! Летом трава сырая, не горит.

В это время подошел Олентьев и сообщил, что хлеб куплен. Обойдя всю деревню, мы вернулись к лодке. Тем временем Дерсу изжарил на огне козлятину и согрел чай. На берег за нами прибежали деревенские ребяташки. Они стояли в стороне и поглядывали на нас с любопытством.

Коршун

Через полчаса мы тронулись дальше. Я оглянулся назад. Ребята по-прежнему толпились на берегу и провожали нас глазами. Река сделала поворот, и деревня скрылась из виду. Трудно проследить русло Лефу в лабиринте его проток. Ширина реки здесь колеблется от 15 до 80 метров. При этом она отделяет от себя в сторону большие слепые рукава, от которых идут длинные, узкие и глубокие каналы, сообщающиеся с озерами и болотами или с такими речками, которые также впадают в Лефу значительно ниже. По мере того как мы подвигались к озеру Ханка, течение становилось медленнее. Шесты, которыми стрелки проталкивали лодку вперед, упираясь в дно реки, часто завязали, и настолько крепко, что вырывались из рук. Глубина Лефу в этих местах весьма неровная. То лодка наша натыкалась на мели, то проходила по глубоким местам, так что без малого весь шест погружался в воду.

Почва около берегов более или менее твердая, но стоит только отойти немного в сторону, как сразу попадешь в болото. Среди зарослей скрываются длинные озерки. Эти озерки и кусты ивняков и ольшаников, растущие рядами, свидетельствуют о том, что река Лефу раньше текла иначе и несколько раз меняла свое русло.

К вечеру мы немного не дошли до реки Черниговка и стали биваком на узком перешейке между ней и небольшой протокой.

Сегодня был особенно сильный перелет. Олентьев убил несколько уток, которые и составили нам превосходный ужин. Когда стемнело, все птицы прекратили свой лет. Кругом сразу воцарилась тишина. Можно было подумать, что степи эти совершенно безжизненны, а между тем не было ни одного озерка, ни одной заводи, ни одной протоки, где не ночевали бы стаи лебедей, гусей, крохалей, уток и другой водяной птицы.

Вечером Марченко и Олентьев улеглись спать раньше нас, а мы с Дерсу, по обыкновению, сидели и разговаривали. Забытый на огне чайник настойчиво напоминал о себе шипением. Дерсу отставил его немного, но чайник продолжал гудеть. Дерсу отставил его еще дальше. Тогда чайник запел тоненьким голоском.

Выпь

— Как его кричи! — сказал Дерсу. — Худой люди! — Он вскочил и вылил горячую воду на землю.

— Как «люди»? — спросил я его в недоумении.

— Вода, — отвечал он просто. — Ему могу кричи, могу плакать, могу тоже играй.

Долго мне говорил этот первобытный человек о своем мировоззрении. Он видел живую силу в воде, видел ее тихое течение и слышал ее рев во время наводнений.

— Посмотри, — сказал Дерсу, указывая на огонь, — его тоже все равно люди.

Я взглянул на костер. Дрова искрились и трещали. Огонь вспыхивал то длинными, то короткими языками, то становился ярким, то тусклым; из угольев слагались замки, гроты, потом все это разрушалось и созидалось вновь. Дерсу умолк, а я долго еще сидел и смотрел на «живой огонь».

В реке шумно всплеснула рыба. Я вздрогнул и посмотрел на Дерсу. Он сидел и дремал. В степи по-прежнему было тихо. Звезды на небе показывали полночь. Подбросив дров в костер, я разбудил гольда, и мы оба стали укладываться на ночь.

На следующий день мы все проснулись очень рано. Вышло это как-то случайно, само собой. Как только начала заниматься заря, пернатое царство поднялось на воздух и с шумом и гамом снова понеслось к югу. Первыми снялись гуси, за ними пошли лебеди, потом утки, и уже последними тронулись остальные перелетные птицы. Сначала они низко летели над землей, но по мере того как становилось светлее, поднимались все выше и выше. До восхода солнца мы успели отплыть от бивака километров восемь и дошли до горы Чайдинзы¹, покрытой ильмом и осиной. У подножия ее протекает небольшая речка Сяохеза². Здесь долина реки Лефу становится шириной более 40 километров. С левой стороны ее на огромном протяжении тянутся сплошные болота. Лефу разбивается на множество рукавов, которые имеют десятки километров длины. Рукава разбиваются на протоки и, в свою очередь, дают ответвления. Эти протоки тянутся широкой полосой по обе стороны реки и образуют такой лабиринт, в котором очень легко заблудиться, если не держаться главного русла и польститься на какой-нибудь рукав в надежде сократить расстояние. Кроме упомянутой Сяохезы, в Лефу впадают еще две речки: Люганка — с правой стороны и Сеузгу³ — с левой. Дальше до самого озера Ханка никаких притоков нет.

¹ Чай-дин-цзы — вершина, где есть дрова.

² Сяо-хэ-цзы — маленькая речка.

³ Сяо-цзы-гау — долина семьи Сяо.

Мы плыли по главному руслу и только в случае крайней нужды сворачивали в сторону, с тем чтобы при первой же возможности выйти на реку снова. Протоки эти, заросшие лозой и камышами, совершенно скрывали нашу лодку. Мы плыли тихо и нередко подходили к птицам ближе, чем на ружейный выстрел. Иногда мы задерживались нарочно и подолгу рассматривали их.

Прежде всего я заметил белую цаплю с черными ногами и желто-зеленым клювом. Она чинно расхаживала около берега, покачивала в такт головой и внимательно рассматривала дно реки. Заметив лодку, птица подпрыгнула два раза, грузно поднялась на воздух и, отлетев немного, снова спустилась на соседней протоке. Потом мы увидели выпь. Серовато-желтая окраска перьев, грязно-желтый клюв, желтые глаза и такие же желтые ноги делают ее удивительно непривлекательной. Эта угрюмая птица ходила сгорбившись по песку и все время преследовала подвижного и хлопотливого кулика-сорочу. Кулик отлетал немного, и, как только садился на землю, выпь тотчас же направлялась туда шагом и, когда подходила близко, бросалась бегом и старалась ударить его своим острым клювом. Заметив лодку, выпь забилась в траву, вытянула шею и, подняв голову кверху, замерла на месте. Когда лодка проходила мимо, Марченко выстрелил в нее, но не попал, хотя пуля прошла так близко, что задела рядом с ней камышины. Выпь не шелохнулась. Дерсу рассмеялся...

— Его шибко хитрый люди. Постоянно так обмани,— сказал он.

Действительно, теперь выпь нельзя уже было заметить, окраска ее оперения и поднятый кверху клюв совершенно затерялись в траве.

Дальше мы увидели новую картину. Низко над водой, около берега, на ветке лозняка уединенно сидел зимородок. Эта маленькая птичка с большой головой и с большим клювом, казалось, дремала. Вдруг она ринулась в воду, нырнула и снова показалась на поверхности, держа в клюве маленькую рыбку. Проглотив добычу, зимородок сел на ветку и опять погрузился в дремоту, но, услышав шум приближающейся лодки, с криком понесся вдоль реки. Яркой синевой мелькнуло его оперение. Отлетев немного, он уселся на куст, потом отлетел еще дальше и наконец совсем скрылся за поворотом.

Раза два мы встречали болотных курочек лысух — черных ныряющих птичек с большими ногами, легко и свободно ходивших по листьям водяных растений. Но в воздухе они казались беспомощными. Видно было, что это не их родная стихия. При полете они как-то странно болтали ногами. Создавалось впечатление, будто они недавно вышли из гнезда и еще не научились летать как следует.

Кое-где в стоячих водах держались поганки с торчащими в сторону ушами и с воротничками из цветных перьев. Они не улетали, а спешили спрятаться в траве или нырнуть в воду.

Погода нам благоприятствовала. Был один из тех теплых осенних дней, которые так часто бывают в Южно-Уссурийском крае в октябре. Небо было совершенно безоблачное, ясное; легкий ветерок тянул с запада. Такая погода часто обманчива, и нередко после нее начинают дуть холодные северо-западные ветры, и чем дольше стоит такая тишь, тем резче будет перемена.

Часов в одиннадцать утра мы сделали большой привал около реки Люганка. После обеда люди легли отдыхать, а я пошел побродить по берегу. Куда я ни обращал свой взор, я всюду видел только траву и болото. Далеко на западе чуть-чуть виднелись туманные горы. По безлесным равнинам кое-где, как оазисы, темнели пятна мелкой кустарниковой поросли.

Пробираясь к ним, я спугнул большую болотную сову — «ночную птицу открытых пространств», которая днем всегда прячется в траве. Она испуганно шарахнулась в сторону от меня и, отлетев немного, опять опустилась в болото. Около кустов я сел отдохнуть и вдруг услышал слабый шорох. Я вздрогнул

и оглянулся. Но страх мой оказался напрасным. Это были камышовки. Они порхали по тростникам, поминутно подергивая хвостиком. Затем я увидел двух крапивников. Миловидные рыжевато-пестрые птички эти все время прятались в зарослях, потом выскакивали вдруг где-нибудь с другой стороны и скрывались снова под сухой травой. Вместе с ними была одна камышовка овсянка. Она все время лазила по тростникам, нагибала голову в сторону и вопрошающе на меня посматривала. Я видел здесь еще много других мелких птиц, названия которых мне были неизвестны.

Через час я вернулся к своим. Марченко уже согрел чай и ожидал моего возвращения. Утолив жажду, мы сели в лодку и поплыли дальше. Желая пополнить свой дневник, я спросил Дерсу, следы каких животных он видел в долине Лефу с тех пор, как мы вышли из гор и начались болота. Он отвечал, что в этих местах держатся козули, енотовидные собаки, барсуки, волки, лисицы, зайцы, хорьки, выдры, водяные крысы, мыши и землеройки.

Во вторую половину дня мы прошли еще километров двенадцать и стали биваком на одном из многочисленных островов.

Сегодня мы имели случай наблюдать на востоке теневой сегмент земли. Вечерняя заря переливалась особенно яркими красками. Сначала она была бледной, потом стала изумрудно-зеленой, и по этому зеленому фону, как расходящиеся столбы, поднялись из-за горизонта два светло-желтых луча. Через несколько минут лучи пропали. Зеленый свет зари сделался оранжевым, а потом красным. Самое последнее явление заключалось в том, что багрово-красный горизонт стал темным, словно от дыма. Одновременно с закатом солнца на востоке появился теневой сегмент земли. Одним концом он касался северного горизонта, другим — южного. Внешний край этой тени был пурпуровый, и чем ниже спускалось солнце, тем выше поднимался теневой сегмент. Скоро пурпуровая полоса слилась с красной зарей на западе, и тогда наступила темная ночь.

Я смотрел и восторгался, но в это время услышал, что Дерсу ворчит:

— Понимай нету!

Я догадался, что это замечание относилось ко мне, и спросил его, в чем дело.

— Это худо, — сказал он, указывая на небо. — Моя думай, будет большой ветер.

Вечером мы долго сидели у огня. Утром встали рано, за день утомились и поэтому, как только поужинали, тотчас же легли спать. Предрассветный наш сон был какой-то тяжелый. Во всем теле чувствовались истома и слабость, движения были вялые. Так как это состояние ощущалось всеми одинаково, то я испугался, думая, что мы заболели лихорадкой или чем-нибудь отравились, но Дерсу успокоил меня, что это всегда бывает при перемене погоды. Нехотя мы поели и нехотя поплыли дальше. Погода была теплая; ветра не было совершенно; камыши стояли неподвижно и как будто дремали. Дальние горы, виденные дотопе ясно, теперь совсем утонули во мгле. По бледному небу протянулись тонкие растянутые облачка, и около солнца появились венцы. Я заметил, что кругом уже не было такой жизни, как накануне. Куда-то исчезли и гуси, и утки, и все мелкие птицы. Только на небе парили орланы. Вероятно, они находились вне тех атмосферных изменений, которые вызвали среди всех животных на земле общую апатию и сонливость.

— Ничего, — говорил Дерсу. — Моя думай, половина солнца кончай, другой ветер найди есть.

Я спросил его, отчего птицы перестали летать, и он прочел мне длинную лекцию о перелете.

По его словам, птицы любят двигаться против ветра. При полном штиле и во время теплой погоды они сидят на болотах. Если ветер дует им вслед, они зябнут, потому что холодный воздух проникает под перья. Тогда птицы прячутся в траве.

Только неожиданный снегопад может принудить пернатых лететь дальше, невзирая на ветер и стужу.

Чем ближе мы подвигались к озеру Ханка, тем болотистее становилась равнина. Деревья по берегам протоки исчезли, и их место заняли редкие, тощие кустарники. Замедление течения в реке тотчас сказалось на растительности. Появились лилии, кувшинки, курослеп, водяной орех и т. д. Иногда заросли травы были так густы, что лодка не могла пройти сквозь них, и мы вынуждены были делать большие обходы. В одном месте мы заблудились и попали в какой-то тупик. Олентьев хотел было выйти из лодки, но едва вступил на берег, как провалился и увяз по колени. Тогда мы повернули назад, вошли в какое-то озеро и там случайно нашли свою протоку. Лабиринт, заросший травой, остался теперь позади, и мы могли радоваться, что отделались так дешево. С каждым днем ориентировка становится все труднее и труднее.

Раньше по деревьям можно было далеко проследить реку, теперь же нигде не было даже кустов, вследствие этого на несколько метров вперед нельзя было сказать, куда свернет протока, влево или вправо.

Предсказание Дерсу сбылось. В полдень начал дуть ветер с юга. Он постепенно усиливался и в то же время менял направление к западу. Гуси и утки снова поднялись в воздух и полетели низко над землей.

В одном месте было много плавникового леса, принесенного сюда во время наводнений. На Лефу этим пренебрегать нельзя, иначе рискуешь заночевать без дров. Через несколько минут стрелки разгружали лодку, а Дерсу раскладывал огонь и ставил палатку.

До озера Ханка оставалось немного. Я знал, что река здесь отклоняется к северо-востоку и впадает в восточный угол залива Лебяжьего, названного так потому, что во время перелетов здесь всегда держится много лебедей. Этот залив длиной от 6 до 8 и шириной около одного километра. Он очень мелководен и соединяется с озером узкой протокой. Таким образом, для того чтобы достигнуть озера на лодке, нужно было пройти еще километров пятнадцать, а напрямик целиной — не более двух с половиной или трех. Было решено, что завтра мы вместе с Дерсу пойдем пешком и к сумеркам вернемся назад. Олентьев и Марченко должны были остаться на биваке и ждать нашего возвращения.

Вечером у всех было много свободного времени. Мы сидели у костра, пили чай и разговаривали между собой. Сухие дрова горели ярким пламенем. Камыши качались и шумели, и от этого шума ветер казался сильнее, чем он был на самом деле. На небе лежала мгла, и сквозь нее чуть-чуть виднелись только крупные звезды. С озера до нас доносился шум прибоя. К утру небо покрылось слоистыми облаками. Теперь ветер дул с северо-запада. Погода немного ухудшилась, но не настолько, чтобы помешать нашей экскурсии.

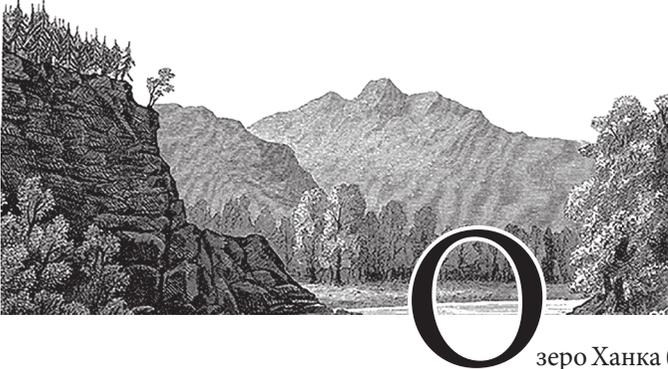

Болотная сова

Глава 6

ПУРГА НА ОЗЕРЕ ХАНКА

Исторические и географические сведения об озере Ханка. — Торопливый перелет птиц. — Заблудились. — Пурга. — Шалаши из травы. — Возвращение на бивак. — Путь до Дмитровки. — Дерсу заботится о лодке. — Бивак гольда за деревней. — Планы Дерсу. — Прощание. — Возвращение во Владивосток

Озеро Ханка (по-гольдски Кенка) имеет несколько яйцевидную форму. Оно расположено (между $44^{\circ}36'$ и $45^{\circ}02'$ северной широты) таким образом, что закругленный овал его находится на севере, а острый конец — на юге. С боков этот овал немного сжат. Наибольшая ширина озера равна 60 километрам, наименьшая — 30. В окружности оно около 260 километров и в длину — 85. Это дает площадь в 2400 квадратных километров.

На севере Ханка имеет еще один придаток — озеро Малое Ханка (по-китайски Сяо-Ху и по-гольдски — Дабуку). Оно длиной 15, шириной 25 километров и отделено от большого озера только песчаной косой, по которой в прежнее время пролегал путь из Маньчжурии в Уссурийский край. Верхняя часть озера Ханка (приблизительно четвертая) принадлежит Китаю. Граница между обоими государствами проходит здесь по прямой линии от устья реки Тур (по-китайски Бай-мин-хе¹) к реке Сунгача (по-китайски Сун-ачан²), берущей начало из озера Ханка в точке, имеющей следующие географические координаты: $45^{\circ}27'$ северной широты к $150^{\circ}10'$ восточной долготы от Ферро на высоте 86 метров над уровнем моря.

При Ляосской династии озеро Ханка называлось Бэйцинхай, а в настоящее время — Ханка, Хинкай и Синкайху, что значит «Озеро процветания и благоденствия». Надо полагать, что название озера Ханка произошло от другого слова, именно от слова «ханхай», что значит «впадина». Этим именем китайцы называют всякое пониженное место, будет ли это сухая или заполненная водой котловина. Так они называют, например, западную часть пустыни Такла-Макан. Озеро Ханка с окрестными болотами действительно представляет собой впадину, и потому название Ханхай вполне ему соответствует.

Сплошные топи и болота на севере, западе и к югу от озера свидетельствуют о том, что раньше оно было значительно больше. Устье Лефу было где-нибудь

¹ Бай-мин-хе — речка ста имен, т. е. река, на которой живут многие, китайская река (бо-мин, бан-мин — китайцы, весь народ).

² Сунджа-Ачан — вероятно, название маньчжурское, означающее «пять связей» — пять сходящихся лучей, пять отрогов и т. д. (Палладий. — «Известия Русского географического о-ва». Т. VII. С. 91.)

около Халкидона, а может быть, и еще южнее. Река Сунгача¹, вероятно, тоже не существовала, и озеро соединялось непосредственно с Уссури протокой. В настоящее время озеро Ханка выше уровня моря не более чем на 50 метров. Средняя высота хребта, отделяющего Суйфунский² бассейн от озера, равняется 180 метрам. Этим объясняется обилие болот и топей по долинам рек внутреннего бассейна. Самый древний берег озера Ханка — западный. Здесь в обнажениях видна глина третичной формации. Самыми старыми поселками на озере будут: Турий Рог и Камень-Рыболов. Ханка, как и все озера, через которые проходит река, находится в периоде обмеления.

Наибольшая глубина его равна 10 метрам. Этот медленный процесс заполнения озера песком и илом продолжается и теперь. Вследствие мелководья оно очень бурное. Небольшое волнение уже достигает дна, поэтому прибой создается не только у берегов, но и посредине.

Сделав нужные распоряжения, мы с Дерсу отправились в путь.

Мы полагали, что к вечеру возвратимся назад, и потому пошли налегке, оставив все лишнее на биваке. На всякий случай под тужурку я надел фуфайку, Дерсу захватил с собой полотнище палатки и две пары меховых чулок.

По дороге он часто посматривал на небо, что-то говорил с собой и затем обратился ко мне с вопросом:

— Как, капитан, наша скоро назад ходи или нет? Моя думай, ночью будет худо.

Я ответил ему, что до Ханки недалеко и что задерживаться мы там не будем.

Дерсу был сговорчив. Его всегда можно было легко уговорить. Он считал своим долгом предупредить об угрожающей опасности и, если видел, что его не слушают, покорялся, шел молча и никогда не спорил.

— Хорошо, капитан, — сказал он мне в ответ. — Тебе сам посмотри, а моя как ладно, так и ладно.

Последняя фраза была обычной формой выражения им своего согласия.

Идти можно было только по берегам проток и озерков, где почва была немного суше. Мы направились левым берегом той протоки, около которой был расположен наш бивак. Она долгое время шла в желательном для нас направлении, но потом вдруг круто повернула назад. Мы оставили ее и, перейдя через болотце, вышли к другой узкой, но очень глубокой протоке. Перепрыгнув через нее, мы снова пошли камышами. Затем я помню, что еще другая протока появилась у нас слева. Мы направились по правому ее берегу. Заметив, что она загибается к югу, мы бросили ее и некоторое время шли целиной, обходя лужи стоячей воды и прыгая на кочки. Так, вероятно, прошли мы километра три. Наконец я остановился, чтобы сориентироваться. Теперь ветер дул с севера, как раз со стороны озера. Тростник сильно качался и шумел. Порой ветер пригибал его к земле, и тогда являлась возможность разглядеть то, что было впереди. Северный горизонт был затянут какой-то мглой, похожей на дым. Сквозь тучи на небе неясно просвечивало солнце, и это казалось мне хорошим предзнаменованием. Наконец мы увидели озеро Ханка. Оно пенилось и бурлило.

Дерсу обратил мое внимание на птиц. Он заметил у них что-то такое, что стало его беспокоить. Это не был спокойный перелет, это было торопливое бегство. Птица, как говорят охотники, шла валом и в беспорядке. Гуси летели низко, почти над самой землей. Странный вид имели они, когда двигались нам навстречу и находились на линии зрения. В это время они были похожи на древних летучих

¹ А. Мичи. Путешествие по Восточной Сибири. 1868. С. 339. Автор р. Сунгача называет Зунгачан.

² Сунфунь — маньчжурское слово, означающее «шило». Название одного из маньчжурских народов, переселившихся на эту реку.

ящеров. Ни ног, ни хвоста не было видно — виднелось что-то кургузое, махающее длинными крыльями и приближающееся с невероятной быстротой. Увидев нас, гуси сразу взмывали кверху, но, обойдя опасное место, опять выстраивались в прежний порядок и снова спустились к земле.

Около полудня мы с Дерсу дошли до озера. Грозный вид имело теперь пресное море. Вода в нем кипела, как в котле. После долгого пути по травяным болотам вид свободной водяной стихии доставлял большое удовольствие. Я сел на песок и стал глядеть в воду. Что-то особенно привлекательное есть в прибое. Можно целыми часами смотреть, как бьется вода о берег.

Озеро было пустынным. Нигде ни одного паруса, ни одной лодки. Около часа мы бродили по берегу и стреляли птиц.

— Утка кончай ходи,— сказал Дерсу вслух.

Действительно, перелет птиц сразу прекратился. Черная мгла, которая дотопе была у горизонта, вдруг стала подниматься кверху. Солнца теперь уже совсем не было видно. По темному небу, покрытому тучами, точно вперегонки бежали отдельные белесоватые облака. Края их были разорваны и висели клочьями, словно грязная вата.

— Капитан, надо наша скоро ходи назад,— сказал Дерсу.— Моя мало-мало боится.

В самом деле, пора было подумать о возвращении на бивак. Мы переобулись и пошли обратно. Дойдя до зарослей, я остановился, чтобы в последний раз взглянуть на озеро. Точно разъяренный зверь на привязи, оно металось в своих берегах и вздымало кверху желтоватую пену.

— Вода прибавляй есть,— сказал Дерсу, осматривая протоку.

Он был прав. Сильный ветер гнал воду к устью Лефу, вследствие чего река вышла из берегов и понемногу стала затоплять равнину. Вскоре мы подошли к какой-то большой протоке, преграждавшей нам путь. Место это мне показалось незнакомым. Дерсу тоже не узнал его. Он остановился, подумал немного и пошел влево. Протока стала заворачиваться и ушла куда-то в сторону. Мы оставили ее и пошли напрямик к югу. Через несколько минут мы попали в топь и должны были возвратиться назад к протоке. Тогда мы повернули направо, наткнулись на новую протоку и перешли ее вброд. Отсюда мы пошли на восток, но попали в трясину. В одном месте мы нашли сухую полоску земли. Как мост, тянулась она через болото. Ощупывая почву ногами, мы осторожно пробирались вперед и, пройдя с полкилометра, очутились на сухом месте, густо заросшем травой. Топь теперь осталась позади.

Я взглянул на часы. Было около четырех часов пополудни, а казалось, как будто наступили уже сумерки. Тяжелые тучи опустились ниже и быстро неслись к югу. По моим соображениям, до реки оставалось не более двух с половиной километров. Одинокая сопка вдали, против которой был наш бивак, служила нам ориентировочным пунктом. Заблудиться мы не могли, могли только запоздать. Вдруг совершенно неожиданно перед нами очутилось довольно большое озеро. Мы решили обойти. Но оно оказалось длинным. Тогда мы пошли влево. Шагов через полтораста перед нами появилась новая протока, идущая к озеру под прямым углом. Мы бросились в другую сторону и вскоре опять подошли к тому же зыбучему болоту. Тогда я решил еще раз попытать счастья в правой стороне. Скоро под ногами стала хлюпать вода; дальше виднелись большие лужи. Стало ясно, что мы заблудились. Дело принимало серьезный оборот. Я предложил гольду вернуться назад и разыскать тот перешеек, который привел нас на этот остров. Дерсу согласился. Мы пошли обратно, но вторично его найти уже не могли.

Вдруг ветер сразу упал. Издали донесся до нас шум озера Ханка. Начало смеркаться, и одновременно с тем в воздухе закружилось несколько снежинок. Штиль продолжался несколько минут, и вслед за тем налетел вихрь. Снег пошел сильнее.

Озеро Ханка.

Современная фотография

«Придется ночевать»,— подумал я и вдруг вспомнил, что на этом острове нет дров: ни единого деревца, ни единого кустика, ничего, кроме воды и травы. Я испугался.

— Что будем делать? — спросил я Дерсу.

— Моя шибко боится,— отвечал он.

Тут я только понял весь ужас нашего положения. Ночью во время пурги нам пришлось оставаться среди болот без огня и теплой одежды. Единственная моя надежда была на Дерсу. В нем одном я видел свое спасение.

— Слушай, капитан! — сказал он. — Хорошо слушай! Надо наша скоро работай. Хорошо работай нету — наша пропал. Надо скоро резать траву.

Я не спрашивал его, зачем это было нужно. Для меня было только одно понятно — «надо скоро резать траву». Мы быстро сняли с себя все снаряжение и с лихорадочной поспешностью принялись за работу. Пока я собирал такую охапку травы, что ее можно было взять в одну руку, Дерсу успевал нарезать столько, что еле обхватывал двумя руками. Ветер дул порывами и с такой силой, что стоять на ногах было почти невозможно. Моя одежда стала смерзаться. Едва успевали мы положить на землю срезанную траву, как сверху ее тотчас заносило снегом. В некоторых местах Дерсу не велел резать траву. Он очень сердился, когда я его не слушал.

— Тебе понимай нету! — кричал он. — Тебе надо слушай и работай. Моя понимай.

Дерсу взял ремни от ружей, взял свой пояс, у меня в кармане нашлась веревочка. Все это он свернул и сунул к себе за пазуху. Становилось все темнее и холоднее. Благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть на земле. Дерсу двигался с поразительной энергией. Как только я прекращал работу, он кричал мне, что надо торопиться. В голосе его слышались нотки страха и негодования. Тогда я снова брался за нож и работал до изнеможения. На рубашку мне навали-

лось много снега. Он стал таять, и я почувствовал, как холодные струйки воды потекли по спине. Я думаю, мы собирали траву более часа. Пронзительный ветер и колющий снег нестерпимо резали лицо. У меня озябли руки. Я стал согревать их дыханием и в это время обронил нож. Заметив, что я перестал работать, Дерсу вновь крикнул мне:

— Капитан, работай! Моя шибко боится! Скоро совсем пропади!

Я сказал, что потерял нож.

— Рви траву руками,— крикнул он, стараясь пересилить шум ветра.

Автоматически, почти бессознательно я ломал камыши, порезал руки, но боялся оставить работу и продолжал рвать траву до тех пор, пока окончательно не обессилел. В глазах у меня стали ходить круги, зубы стучали, как в лихорадке. Намокшая одежда коробилась и трещала. На меня напала дремота. «Так вот замерзают»,— мелькнуло у меня в голове, и вслед за тем я впал в какое-то забытье. Сколько времени продолжалось это обморочное состояние — я не знаю. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я очнулся. Надо мной, наклонившись, стоял Дерсу.

— Становись на колени,— сказал он мне.

Я повиновался и уперся руками в землю. Дерсу накрыл меня своей палаткой, а затем сверху стал заваливать травой. Сразу стало теплее. Закапала вода. Дерсу долго ходил вокруг, подгребал снег и утапывал его ногами.

Я стал согреваться и затем впал в тяжелое дремотное состояние. Вдруг я услышал голос Дерсу:

— Капитан, подвинься!

Я сделал над собой усилие и прижался в сторону. Гольд вполз под палатку, лег рядом со мной и стал покрывать нас обоих своей кожаной курткой. Я протянул руку и нащупал на ногах у себя знакомую мне меховую обувь.

— Спасибо, Дерсу,— говорил я ему.— Покрывайся сам.

— Ничего, ничего, капитан,— отвечал он.— Теперь бояться не надо. Моя крепко трава вязки. Ветер ломай не могу.

Чем больше засыпало нас снегом, тем теплее становилось в нашем импровизированном шалаше. Капанье сверху прекратилось. Снаружи доносилось завывание ветра. Точно где-то гудели гудки, звонили в колокола и отпевали покойников. Потом мне стали грезиться какие-то пляски, куда-то я медленно падал, все ниже и ниже, и наконец погрузился в долгий и глубокий сон... Так, вероятно, мы проспали часов двенадцать.

Когда я проснулся, было темно и тихо. Вдруг я заметил, что лежу один.

— Дерсу! — крикнул я испуганно.

— Медведи! — услышал я голос его снаружи.— Медведи! Вылезай. Надо своя берлога ходи, как чужой берлога долго спи.

Я поспешно вылез наружу и невольно закрыл глаза рукой. Кругом все белело от снега. Воздух был свежий, прозрачный. Морозило. По небу плыли разорванные облака; кое-где виднелось синее небо. Хотя кругом было еще хмуро и сумрачно, но уже чувствовалось, что скоро выглянет солнце. Прибитая снегом трава лежала полосами. Дерсу собрал немного сухой ветоши, развел небольшой огонек и сушил на нем мои ботинки.

Теперь я понял, почему Дерсу в некоторых местах не велел резать траву. Он скрутил ее и при помощи ремней и веревок перетянул поверх шалаша, чтобы его не разметало ветром. Первое, что я сделал,— поблагодарил Дерсу за спасение.

— Наша вместе ходи, вместе работай. Спасибо не надо.

И, как бы желая перевести разговор на другую тему, он сказал:

— Сегодня ночью много люди пропади.

Я понял, что «люди», о которых говорил Дерсу, были пернатые.

После этого мы разобрали травяной шатер, взяли свои ружья и пошли искать перешеек. Оказалось, что наш бивак был очень близко от него. Перейдя через болото, мы прошли немного по направлению к озеру Ханка, а потом свернули на восток к реке Лефу.

После пурги степь казалась безжизненной и пустынной. Гуси, утки, чайки, крохали — все куда-то исчезли. По буро-желтому фону большими пятнами белели болота, покрытые снегом. Идти было славно, мокрая земля подмерзла и выдерживала тяжесть ноги человека. Скоро мы вышли на реку и через час были на биваке.

Олентьев и Марченко не беспокоились о нас. Они думали, что около озера Ханка мы нашли жилье и остались там ночевать. Я переобулся, напился чая, лег у костра и крепко заснул. Мне грезилось, что я опять попал в болото и кругом бушует снежная буря. Я вскрикнул и сбросил с себя одеяло. Был вечер. На небе горели яркие звезды; длинной полосой протянулся Млечный Путь. Поднявшийся ночью ветер раздувал пламя костра и разносил искры по полю. По другую сторону огня спал Дерсу.

На другой день утром ударил крепкий мороз. Вода всюду замерзла, по реке шла шуга. Переправа через протоки Лефу отняла у нас целый день. Мы часто попадали в слепые рукава и должны были возвращаться назад. Пройдя километра два нашей протокой, мы свернули в соседнюю — узкую и извилистую. Там, где она соединялась с главным руслом, высилась отдельная коническая сопка, покрытая порослью дубняка. Здесь мы и заночевали. Это был последний наш бивак. Отсюда следовало идти походным порядком в Черниговку, где нас ожидали остальные стрелки с конями. Уходя с бивака, Дерсу просил Олентьева помочь ему вытащить лодку на берег. Он старательно очистил ее от песка и обтер травой, затем перевернул вверх дном и поставил на катки. Я уже знал, что это делается для того, чтобы какой-нибудь «люди» мог в случае нужды ею воспользоваться.

Утром мы распрощались с Лефу и в тот же день после полудня пришли в деревню Дмитровку, расположенную по ту сторону Уссурийской железной дороги. Переходя через полотно дороги, Дерсу остановился, потрогал рельсы рукой, посмотрел в обе стороны и сказал:

— Гм! Моя это слышал. Кругом люди говорили. Теперь понимай есть.

В деревне мы встали по квартирам, но гольд не хотел идти в избу и, по обыкновению, остался ночевать под открытым небом. Вечером я соскучился по нем и пошел его искать.

Ночь была хотя и темная, но благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть. Во всех избах топились печи. Беловатый дым струйками выходил из труб и спокойно поднимался кверху. Вся деревня курилась. Из окон домов свет выходил на улицу и освещал сугробы. В другой стороне, «на задах», около ручья, виднелся огонь. Я догадался, что это бивак Дерсу, и направился прямо туда. Гольд сидел у костра и о чем-то думал.

— Пойдем в избу чай пить, — сказал я ему.

Он не ответил мне и в свою очередь задал вопрос:

— Куда завтра ходи?

Я ответил, что пойдем в Черниговку, а оттуда — во Владивосток, и стал приглашать его с собой. Я обещал в скором времени опять пойти в тайгу, предлагал жалованье... Мы оба задумались. Не знаю, что думал он, но я почувствовал, что в сердце мое закралась тоска. Я стал снова рассказывать ему про удобства и преимущества жизни в городе. Дерсу слушал молча. Наконец он вздохнул и проговорил:

— Нет, спасибо, капитан. Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу, город живи — моя скоро пропади.

«В самом деле, — подумал я, — житель лесов не выживет в городе, и не делаю ли я худо, что сбиваю его с того пути, на который он встал с детства?»

Дерсу замолчал. Он, видимо, обдумывал, что делать ему дальше. Потом, как бы отвечая на свои мысли, сказал:

— Завтра моя прямо ходи.— Он указал рукой на восток.— Четыре солнца ходи, Даубихе найди есть, потом Улахе ходи, потом — Фудзин, Дзуб-Гын¹ и море. Моя слышал, там на морской стороне чего-чего много: соболь есть, олень тоже есть.

Долго мы еще с ним сидели у огня и разговаривали. Ночь была тихая и морозная. Изредка набегающий ветерок чуть-чуть шелестел дубовой листвой, еще не опавшей на землю. В деревне давно уже все спали, только в том доме, где поместился я со своими спутниками, светился огонек. Созвездие Ориона показывало полночь. Наконец я встал, попрощался с гольдом, пошел к себе в избу и лег спать. Какая-то неприятная тоска овладела мной. За это короткое время я успел привязаться к Дерсу. Теперь мне жаль было с ним расставаться. С этими мыслями я и задремал.

На следующее утро первое, что я вспомнил,— это то, что Дерсу должен уйти от нас. Напившись чая, я поблагодарил хозяев и вышел на улицу.

Стрелки были уже готовы к выступлению. Дерсу был тоже с нами.

С первого же взгляда я увидел, что он снаряжился в далекий путь. Котомка его была плотно уложена, пояс затянут, унты хорошо надеты.

Отойдя от Дмитровки с километр, Дерсу остановился. Настал тяжелый момент расставания.

— Прощай, Дерсу,— сказал я ему, пожимая руку.— Дай Бог тебе всего хорошего. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал. Прощай! Быть может, когда-нибудь увидимся.

Дерсу попрощался со стрелками, затем кивнул мне головой и пошел в кусты налево. Мы остались на месте и смотрели ему вслед. В двухстах метрах от нас высилась небольшая горка, поросшая мелким кустарником. Минут через пять он дошел до нее. На светлом фоне неба отчетливо вырисовывалась его фигура с котомкой за плечами, с сошками и с ружьем в руках. В этот момент яркое солнце взошло из-за гор и осветило гольда. Поднявшись на гривку, он остановился, повернулся к нам лицом, помаhal рукой и скрылся за гребнем. Словно что оторвалось у меня в груди. Я почувствовал, что потерял близкого мне человека.

— Хороший он человек,— сказал Марченко.

— Да, таких людей мало,— ответил ему Олентьев.

«Прощай, Дерсу,— подумал я.— Ты спас мне жизнь. Я никогда не забуду этого».

В сумерки мы дошли до Черниговки и присоединились к отряду. Вечером в тот же день я выехал во Владивосток, к месту своей постоянной службы.

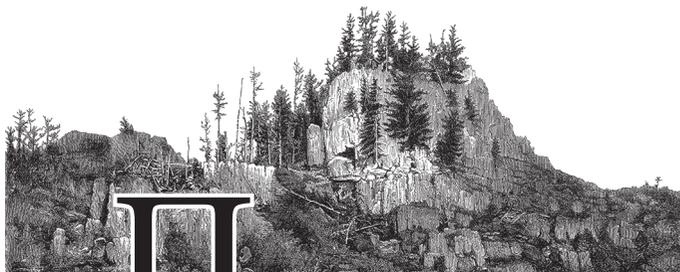

¹ Так гольды называют Сихотэ-Алинь.

Глава 7

СБОРЫ В ДОРОГУ И СНАРЯЖЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ (1906 г.)

Новая экспедиция.— Состав отряда.— Вьючный обоз.— Научное снаряжение.— Одежда и обувь.— Продовольствие.— Работа путешественника.— Отъезд.— Река Усури.— Растительность около станции Шмаковка.— Пресмыкающиеся.— Грызуны.— Птицы.— Порядок дня в походе.— Село Успенка.— Даубихе и Улахе.— Болото.— Охота за пчелами.— Борьба пчел с муравьями

Прошло четыре года. За это время произошли некоторые перемены в моем служебном положении. Я переехал в Хабаровск, где Приамурский отдел Русского географического общества предложил мне организовать экспедицию для обследования хребта Сихотэ-Алинь и береговой полосы в Уссурийском крае: от залива Ольги на север, насколько позволит время, а также верховьев рек Усури и Иман. Моими помощниками были назначены Гранатман, Анофриев и Мерзляков. Кроме того, в состав экспедиционного отряда вошли шесть сибирских стрелков (Дьяков, Егоров, Загурский, Мелян, Туртыгин, Бочкарев) и четыре уссурийских казака (Белоножкин, Эпов, Мурзин, Кожевников).

Кроме лиц, перечисленных в приказе, в экспедиции приняли еще участие: бывший в это время начальником штаба округа генерал лейтенант П. К. Рутковский и в качестве флориста — лесничий Н. А. Пальчевский. Цель экспедиции — естественно-историческая. Маршруты были намечены по рекам Усури, Улахе и Фудзин по десятиверстной и, в прибрежном районе,— по сорокаверстной картам издания 1889 года.

В то время все сведения о центральной части Сихотэ-Алиня были крайне скудны и не заходили за пределы случайных рекогносцировок. Что же касается побережья моря к северу от залива Ольги, то о нем имелись лишь отрывочные сведения от морских офицеров, посещавших эти места для промеров бухт и заливов.

Наши сборы в экспедицию начались в половине марта и длились около двух месяцев. Мне предоставлено было право выбора стрелков из всех частей округа, кроме войск инженерных и крепостной артиллерии. Благодаря этому в экспедиционный отряд попали лучшие люди, преимущественно сибиряки Тобольской и Енисейской губерний. Правда, это был народ немного угрюмый и малообщительный, но зато с детства привыкший переносить всякие невзгоды.

В путешествие просилось много людей. Я записывал всех, а затем наводил справки у ротных командиров и исключал жителей городов и занимавшихся торговлей. В конце концов в отряде остались только охотники и рыболовы. При выборе обращалось внимание на то, чтобы все умели плавать и знали какое-нибудь ремесло.